Марина
КРАМЕР

*История
сильной
женщины*

Я НЕ АНГЕЛ

КРИМИНАЛЬНАЯ
Меморандум

История сильной женщины

Марина Крамер

Я не ангел

«ЭКСМО»

2014

Крамер М.

Я не ангел / М. Крамер — «Эксмо», 2014 — (История сильной женщины)

ISBN 978-5-699-74005-5

Можно сказать, что жизнь у Варвары Жигульской удалась, у нее есть все, что можно только пожелать: красота, талант, карьера успешного адвоката и любящий терпеливый муж. Вот только нет самого главного: Варвара просто не способна никого любить. Ее сердце еще в далекие студенческие годы было разбито и растоптано красавцем Кириллом Мельниковым. И вот через много лет Кирилл снова как ни в чем не бывало появляется в жизни Варвары, но уже не один, а со множеством криминальных проблем. Его феерическое возвращение связано с делом очередной клиентки адвоката Жигульской – Анастасии Потемкиной, владелицы крупного состояния, которую преследуют недоброжелатели. Охота началась и за Варварой, полномасштабный обыск в кабинете, слежка и посылки с отрубленными человеческими пальцами – вот новые реалии ее личной и профессиональной жизни...

ISBN 978-5-699-74005-5

© Крамер М., 2014

© Эксмо, 2014

Марина Крамер Я не ангел

– Откуда у тебя такая уверенность, что именно адвокат в курсе? Я ведь так, наобум ляпнул. Не люблю вообще-то с ней пересекаться.

– Путем нехитрых вычислений, шантажа и подкупа можно узнать многое.

– Многое! Многое! Ты узнал всякую малозначительную чушь, которую я знаю и без тебя, а вот главное – где вдова – ты так и не смог выяснить. А без нее...

– Ну подождите. Не все сразу! Я уверен, что именно адвокат причастна к ее исчезновению, просто некому больше.

– То есть тебя обвела вокруг пальца баба? Отлично! Ты сейчас расписался в своей полной непригодности и несостоятельности.

– Бабы разные бывают. А эта – просто шука, не зря же у нее прозвище такое. Дайте мне еще немного времени, и я узнаю все, что вас интересует.

– Нет у меня этого времени. Бумаги нужны еще вчера.

– Нужны – значит, будут.

Москва. Наше время

Родители – такие шутники! Выбирают нам имена в соответствии с собственным претенциозным вкусом, а ребенку потом всю жизнь мучиться. Папа мой, видимо, был из этой породы, иначе к чему было называть девочку в семидесятые годы Варварой? Можете себе представить, каково мне было во всех этих садиках-школах-пионерлагерях? Какими только прозвищами не награждали меня «добрые» ровесники... А уж дедушка Чуковский со своим «и была у него злая сестра по имени Варвара» – так вообще... Не зря я терпеть ни могла сказку о докторе Айболите. Сейчас, конечно, имя уже не звучит столь забавно, скорее модно, а в сочетании с отчеством – даже солидно. Варвара Валерьевна Жигульская – по-моему, совсем даже неплохо. А если учесть занимаемый мною пост, довольно молодой для него по нынешним меркам возраст и вполне экстравагантную внешность, то можно считать, что имя никак мне в жизни не подгадило. Хотя, каюсь, в шестнадцать, когда получала паспорт, очень хотела сменить его на что-то более простое – Наталью, Елену или Анну, например. Хорошо, что не сменила, может, все в жизни иначе сложилось бы.

Почему именно сегодня меня вдруг потянуло на раздумья об этом? Я стою у окна своего кабинета, вижу Кремль и окрестности, через час – обед в «Пушкине» с потенциальным компаньоном, на банковском счете сумма с неприличным количеством нулей. А вечером – балет в Большом в компании весьма влиятельного человека из правительства, и вдруг я об имени задумалась. Какая, в сущности, разница... Папа умер три года назад, мама укатила в Швецию с одним из своих многочисленных любовников – ну что с нее взять, прима, всю жизнь в театре. А я осталась здесь, в Москве, хотя вполне могла позволить себе жить за границей. Но мне это не нужно, я и здесь живу так, как хочу.

Папа до последней минуты сокрушался, что у него нет внуков, а единственная дочь, хоть и замужем, никак не способствует решению этого вопроса. Но я определилась еще в юности: детей не хочу. Трудно сказать, что повлияло на мое решение, но даже мужу, моему мягкому, домашнему, тихому Светику, пришлось смириться. Впрочем, он никогда не мог мне возразить, наверное, поэтому мы с ним почти двадцать лет вместе.

Светик, он же Святослав Георгиевич Лемешинский, довольно известный композитор и дирижер, часто отсутствует в России, и в этом, возможно, кроется еще одна причина долголетия нашего брака. Я не лезу в его дела, он не сует нос в мои – существуем параллельно.

Любви, конечно, никакой давно нет, скорее привычка, да я вообще сомневаюсь, была ли она у нас когда-то вообще, любовь эта самая. Хотя... У Светика точно была, он любил меня по-щенячьи, таскался хвостом, проходу не давал, по мере возможности старался встретить из университета, всегда с цветами, в любую погоду. Однорукники завидовали: Светик был взрослый – старше на пять лет, – высокий, красивый, модно одетый, всегда благоухал дорогим одеколоном, галантно подавал руку, помогал сойти с крыльца. И автомобиль у него имелся – завидная по тем временам «девятка» цвета «мокрый асфальт». Но я была к нему не то что равнодушна... скорее он был мне просто безразличен. Да, самолюбию льстили эти ухаживания, преданность, но не больше. Подруга моя ближайшая, Аннушка, только плечами пожимала, глядя на безуспешные попытки Светика:

– Не понимаю я тебя, Варька. Ну чего тебе еще-то надо? Такой парень... Не чета остальным, ты вокруг-то оглянись – одно быдлице совковое! Треники – коленки пузырем, цепь в три пальца, как на сливном бачке, а уж как рот откроют – ну все, – хоть караул кричи. А тут – и красивый, и высокий, и одет с иголки, и говорит как по писаному.

– И что мне с того? – спрашивала я, приканчивая порцию мороженого в кооперативном кафе, куда мы с Аннушкой непременно заходили после занятий, если вдруг по какой-то причине Светик не появлялся у здания юридического факультета.

– Как – что?! – возмущенно спрашивала подруга. – Как это – что?! Да он же талантливый, как Менухин!

– Менухин – скрипач, а Светик – дирижер.

– Варя, какая разница?! – негодовала Аннушка, забывая даже о тающем в креманке мороженом.

Я делала вид, что разговор перестал меня интересовать, и подруга умолкала обиженно.

Аннушка была из семьи дипломата, папаша ее практически все время отсутствовал, а мать бывала в России наездами. Аннушку воспитывала бабушка – вдова крупного партийного чиновника, дама сановная до невозможности. Я любила бывать у них в квартире на Патриках – настоящем «барском» доме с домработницей, традиционными «средами», когда по вечерам собираются гости и говорят о запретном вслух. И Аннушкина бабушка мне нравилась, чем-то напоминала мою. У нас в доме тоже все было заведено не «по-советски», мамина мать Тамара Борисовна, профессор консерватории, относилась к власти немного свысока, но ей это прощалось: была она в свое время «подругой» кого-то в Кремле, и это имя в нашей семье даже не произносилось – ну, береженого бог бережет, как известно. Дедушка, генерал, к моменту моего рождения уже умер, однако привилегии сохранились. Жили мы всегда хорошо, я училась в английской спецшколе (что не мешало моим одноклассникам из приличных семей вести себя точно так же, как и их собратья-пролетарии), продукты из спецраспределителя, одежда «по благу» в спецотделе ГУМа. Нормальная такая «совковая» элита. Меня всегда баловали, одевали, покупали дорогие игрушки, прекрасных немецких кукол с «настоящими» волосами, уложенными в сеточку, в диковинных платьях и костюмах на настоящих кнопках, с закрывающимися глазами, обрамленными пушистыми, почти натуральными ресницами. В моей детской даже был специальный «жилой» уголок, обставленный игрушечной мебелью, где мы с Аннушкой проводили много времени, играя «в дом». Мы были равны по происхождению, никогда и ни в чем друг другу не завидовали, а потому дружба наша не подвергалась никаким серьезным испытаниям. Даже факультет мы выбрали один – юридический, хотя у Аннушки был шикарный голос, и моя бабушка настаивала, чтобы та непременно поступала в консерваторию. Однако Аннушка уперлась – мечтала о карьере прокурора. Так мы оказались в МГУ на юрфаке, куда, к собственному глубокому изумлению, я поступила с большим трудом. Как говорят, наши связи оказались недостаточно весомыми. Я горевала до самого зачисления, мне казалось, что жизнь закончилась, но бабушка нашла-таки кого-то в ректорате, и меня зачислили. Произошедшее здорово обо-

зливо меня: я не была глупой, в аттестате красовались три четверки по малозначительным дисциплинам, да и к экзаменам я готовилась как одержимая, ухитрившись однажды солнечным днем обгореть на даче за учебником так, что кожа сошла даже с подошв. Папа, помню, хохотал:

– Варька, ты это... зад береги, как сидеть-то будешь?

Училась я хорошо, хотя уже на первом курсе поняла, что в юриспруденции, а особенно в московской, все решают связи – и только они. Нет у тебя родных-знакомых – так будь ты хоть семи пядей во лбу, а так и останешься прозябать в районной юридической консультации, раздавая советы бабулькам. У нас в семье юристы, к счастью, были. Мой дядя, брат отца дядя Витя, был довольно известным адвокатом, к нему обращались в случае необходимости довольно высокопоставленные люди. В связи с этим возникает резонный вопрос: а почему дядюшка с такими связями не помог мне при поступлении? Вот так – не помог. Они с мамой всю жизнь что-то делили и в момент моего поступления как раз находились в очередной крупной ссоре, потому даже бабушка не посмела к нему обратиться. В моменты же перемирия дядя Витя охотно приезжал в наш дом, всех любил, обожал и окружал вниманием. Я не понимала этих сложных отношений, до тех пор пока не выросла и не окунулась во все семейные тайны. Во время же студенчества я очень рассчитывала на то, что к моменту получения диплома мама с дядей не разругаются в очередной раз и я смогу устроиться к нему хотя бы на первое время.

Аннушке было проще: в ее семье не существовало таких заковыристых взаимоотношений, она – единственный ребенок у родителей и двух незамужних теток, ее с детства носили на руках и совали все в рот с трех как минимум ложек. Папа-дипломат уж точно заранее позаботился о том, куда пристроить дочурку с дипломом юриста. Однако Аннушка с упорством бульдозера собиралась в прокуратуру, чем приводила в ужас бабушку и тетушек с маменькой заодно. Отношение к происходившему папы-дипломата до поры оставалось неизвестным – он был в очередной командировке.

– Ну ты даешь, Анька, – всякий раз смеялась я, когда слышала подружкины пламенные речи на тему правосудия и законности, – такое впечатление, что ты в Москву с рыбным обюзом пришла, образование выгрызла с кровью, а не родилась в Первопрестольной с золотой ложкой во рту. Рассуждаешь как настоящий пролетарий. Слышала бы тебя твоя бабушка!

– А она слышала, – безмятежно улыбалась Аннушка, теребя кончик прекрасной длинной косы льняного цвета, – и с корвалолом потом демонстративно расхаживала.

Мы хохотали еще сильнее. Так уж повелось, что в наших семьях именно бабушки играли первую скрипку. Ее Алевтина Петровна и моя Тамара Борисовна во многом были очень схожи, как, впрочем, практически все жены партаппаратчиков за редким исключением. Каждое лето они непременно ездили на юг, в санаторий, а два месяца проводили на даче, одна – в Серебряном Бору, другая – моя – в Загорянке. Я терпеть не могла дачу, старалась бывать там как можно реже, зато Аннушка честно «отбывала» срок рядом с бабушкой. Я изредка навещала подругу, и тогда приходилось окунуться в варку варенья, заготовку огурцов и капусты и прочих домашних солений, в изготовлении которых Алевтина Петровна была мастерица. Я помню пенки с малинового варенья, в которые мы с Аннушкой макали горбушки белого хлеба, помню кружащих вокруг пчел, одна из которых однажды укусила Аннушку под глаз, и бедная моя подруга больше недели вынужденно носила темные очки, закрывавшие половину лица с опухшим глазом. А чего стоило варенье из крыжовника, рецепт которого Алевтина Петровна каким-то непостижимым образом узнала у самой Виктории Брежневой, жены бывшего генсека... Воистину, тот, кто считал этих женщин бездельницами, никогда не пробовал сварить такое варенье. Каждую ягоду крыжовника нужно было при помощи шпильки очистить от семян, потом в каждую же вложить кусочек грецкого ореха, потом аккуратно, чтоб не развалилась сложная конструкция, сварить в большом

медном тазу, разложить в банки рядками, залить сиропом... Это же адский труд, скажу я вам! Мы с Аннушкой не в состоянии были посвятить кропотливому занятию даже полчаса – начинала ныть спина, болели пальцы, а Алевтина Петровна только посмеивалась:

– Эх вы, белоручки! Разве же это труд?

Не знаю, как Аннушка, а я лично на всю жизнь приобрела стойкое отвращение к любому виду кулинарной деятельности.

Дача Вяземских в Серебряном Бору притягивала меня куда больше собственной еще и потому, что тут собирались компании молодежи, в которых мы с Аннушкой занимали достаточно видное место. За ней активно увивался довольно мерзкий типчик по имени Веня, сын какого-то военного, но Аннушка не обращала внимания. Я же всегда держалась с неким высокомерием, отстраненно, и это, разумеется, действовало на парней притягивающе – закон обратной связи. Мне на самом деле никто не нравился, просто приятно было проводить время в компании остроумных, начитанных и интересных людей. Наверное, они не были бы столь блестящими, если бы им приходилось думать о завтрашнем дне и искать свое место в жизни. Им все досталось при рождении, это были мальчики из хороших обеспеченных семей, их будущее было ясным и светлым, перспективы – отличными, а вся жизнь обещала стать сплошным праздником. Детки из золотой клетки, так сказать. Это, разумеется, накладывало определенный отпечаток – некая пресыщенность, вальяжность, расслабленность. Скажу честно, иной раз становилось скучно...

Москва. Начало девяностых

Первый курс юрфака показался мне настоящим адом. Ничего общего со школой, другие правила, другие объемы информации, совершенно иные нагрузки. Весь первый семестр я боролась со страшным напряжением, внезапно охватившим меня. Я ничего не успевала, почти никуда не ходила, постоянно торчала в библиотеке за учебниками и конспектами, не поднимая головы, готовилась к семинарам. Ни о какой личной жизни речи даже не шло – на нее просто не было времени. Я возвращалась домой разбитая, сразу падала в постель и проваливалась в сон, а утром едва успевала к началу занятий. Не знаю, как Аннушка, а я проклинала день и час, когда решила поступать в МГУ. Учиться оказалось тяжело, и я искренне не понимала, каким образом мои одноклассники ухитряются еще и вечеринки закатывать по субботам. Я ждала выходных, чтобы иметь возможность спать столько, сколько хочется, и не прикасаться к тетрадям и учебникам. В понедельник все начиналось сначала: зубрежка, библиотека, кучи книг. Я похудела, «спала с лица», как говорила бабушка.

– Еще немного, и ты не сможешь встать с кровати, – говорила она, заваривая мне вечером в большом китайском термосе шиповник. – Никогда не подумала бы, что ты будешь учиться с таким упорством.

– Мне стыдно хлопать глазами на семинарах, – признавалась я, с трудом заталкивая в себя утренний бутерброд.

– А как же Аннушка?

– Аннушка, бабуль, не придает этому такого значения. Хватает по верхам, но при этом всегда все знает. Не могу понять, как это происходит.

– С ее внешними данными вообще не нужно прилагать больших усилий, – усмехалась бабушка. – Блондинкам во все времена жилось легче. Мужчинам нравятся такие – глуповатые, наивные, беспомощно хлопающие ресничками.

– Ты не права. Анька умная. Просто она... как сказать... умеет прикинуться, что ли? – Кофе показался слишком крепким и горячим, и я потянулась к молочнику, чтобы исправить ситуацию.

– Эх, Варвара! Какой из тебя юрист, когда ты дальше собственного длинного носа не видишь? Аннушка – хорошая девочка, но глупая. Заметь: не дура, а глупая, даже глупенькая. Это когда бог не совсем мозгов не дал – улицу-то она не на красный свет переходит и ложку мимо рта не проносит.

Моя бабуля умела дать любому человеку или предмету такую хлесткую характеристику, что порой от ее слов хотелось смеяться и плакать одновременно. Но насчет Аннушки она была совершенно права. Накручивая на палец кончик косы, она смотрела на преподавателей круглыми синими глазами и, хотя говорила вполне умные вещи, все равно производила впечатление недалекой куклы. Один только случай с учебником по истории чего стоил... Ей попался бракованный экземпляр: обложка оказалась приклеенной вверх ногами, и однажды во время ответа Аннушка взяла книгу в руки, чтобы процитировать отрывок какого-то текста. На преподавателя было жалко смотреть – он едва сдерживался, чтобы не захохотать:

– Вяземская, это даже для вас чересчур. Вы же учебник держите вверх ногами!

Аннушка повела плечиком, отбрасывая назад косу, и улыбнулась спокойно:

– Да, Михаил Сергеевич, я знаю.

Группа просто стекла по стульям на пол...

Несмотря на то что Аннушка Вяземская была девушкой видной и, на мой взгляд, абсолютно соответствовала мужскому идеалу, личная жизнь у нее так и не сложилась. В университете за ней увивались толпы парней, но серьезных отношений она ни с кем так и не завела. Не знаю, в чем тут дело. То ли при ближайшем рассмотрении моя подруга оказывалась слишком уж примитивной, то ли потенциальных мужей пугал высокий статус папы-дипломата и они боялись не пройти «фейсконтроль», но, так или иначе, к тридцати с лишним годам Аннушка так и оставалась одна. Да, у нее случались романы, правда, в основном с женатыми начальниками – ни в какую прокуратуру, понятное дело, Аннушка не попала, а трудилась на довольно высокой должности в «Газпроме». Всякий раз, влюбляясь по уши в очередного «женатика», Аннушка приезжала ко мне, мы шли в ближайший ресторан, и там я выслушивала уже набившую порядочную оскомину историю неземной любви и страсти. Я никак не могла понять, почему Аннушка с упорством маньяка наступает на одни и те же грабли и поет хорошо известную всем любовницам песню «он любит только меня, а с женой живет из-за детей и из жалости, но, когда они подрастут, он непременно разведется и мы поженимся».

На мой взгляд, это простительно единожды и только очень молодой неопытной девушке, а не тетке хорошо за тридцать с немалым опытом подобных отношений. Однако это продолжалось из раза в раз.

Москва. Наше время

– Варвара Валерьевна, вам звонят. – Именно с этой фразы секретаря начались все неприятности.

Я взяла трубку и услышала женский голос:

– Варвара Валерьевна? Вы – Варвара Валерьевна Жигульская? – Мне никогда не нравились истеричные бабы, а звонившая явно таковой и являлась, судя по ее тону.

– Я вас слушаю, – стараясь не сорваться сразу и не послать даму подальше, проговорила я.

– Ваш телефон мне дал Нугзар Чипиани.

Так, а вот это уже интересно. Нугзар был предпоследним любовником моей маменьки, относился ко мне с большим уважением и считал хорошим специалистом, даже обращался несколько раз по своим делам, связанным с недвижимостью, и я успешно представляла его в

судах разных инстанций. Поскольку истеричка звонит по рекомендации Чипиани, я не смогу ей отказать.

– Понятно. В чем суть проблемы?

– Я не могу по телефону... Мы не могли бы встретиться?

Я перевела взгляд на открытый ежедневник и с тоской увидела, что именно сегодня вечер мой совершенно свободен. Карма...

– Я заканчиваю работу сегодня около шести. Если вам удобно, мы можем встретиться в центре.

– Я как раз успею добраться, живу в «Снежинке», дорога много времени отнимет. – Голос женщины стал чуть спокойнее, было очевидно, что мое согласие повлияло благотворно.

– Хорошо. Тогда я буду ждать вас в «Боско-кафе» в ГУМе.

– Ой нет, только не там, – снова занервничала собеседница. – Там слишком многолюдно...

«Пришибленная какая-то», – подумала я и терпеливо предложила:

– Назначьте место сами, мне все равно.

– Ресторан «Годунов» вас устроит?

«Однако... Непростая дама, ресторан-то не из дешевых». – Мне вдруг стало скучно. Предстоящая беседа виделась ясно, как на ладони: богатая мадам застала супруга в постели с молодой, хочет развода и мечтает оставить своего неверного без штанов. Или, как вариант, он решил поменять ее на «более современную модель с полным тюнингом», как называл такие дела мой помощник Димочка Кукушкин. Я никогда не занималась бракоразводными процессами, это совершенно не мое ни по профилю деятельности, ни по жизни и убеждениям, именно потому-то в свое время я и взяла к себе этого напыщенного, вечно разряженного, как павлин, парня. И не прогадала. За яркими костюмами и подчеркнuto эпатажным поведением скрывался умный, хитрый и изворотливый юрист, способный выиграть практически любой подобный процесс.

Но все-таки я стараюсь не связываться с рублевскими дамочками, искренне ненавижу такие дела и берусь за них только по знакомству. И здесь, как назло, именно этот вариант – протекция Нугзара. Конечно, заниматься всем будет Димочка, а я только в суде появлюсь «для веса»...

Если бы я только могла себе представить в тот момент, как сильно ошиблась в своих догадках и в какую историю втянет меня маменькин экс-любовник...

Но, так или иначе, я согласилась скоротать вечер в «Годунове» в компании незнакомой, но уже мало приятной мне дамочки. Дома все равно никто не ждал – Светик уехал на гастроли в Вену и вернуться должен был только завтра к вечеру.

В «Годунове» было малоллюдно, несмотря на вечер, – цены тут кусались. Я сбросила шубу на руки гардеробщику, и тут же ко мне подошел вежливый и какой-то прилизанный метрдотель:

– Добрый вечер. У вас заказан столик? Или вас ожидают?

Как же я не люблю эти столичные понты: зал пустой, а он про заказ столика спрашивает! Да я голову дам на отсечение: за все время, что я здесь просижу, даже половина зала не заполнится посетителями.

– Меня ждут.

– Тогда вы, должно быть, госпожа Жигульская?

– Должно быть.

– Пройдемте со мной, я провожу.

Не скажу, что считаю себя русофобом, нет, это совершенно не так, однако интерьер «Годунова» сделал все, чтобы заставить меня сомневаться в этом. Такого изобилия «хохламы», позолоты и купеческой показухи я не видела даже в американском кино о русской жизни.

Потенциальная клиентка ожидала меня в VIP-зале – огромной комнате, посреди которой красовался круглый стол персон на двенадцать. За ним, сжавшись в большом кресле-троне как мышка, сидела молодая белокурая женщина примерно моих лет, одетая в черное платье. К моему удивлению, на ней не оказалось ни единого украшения, кроме обручального кольца, надетого почему-то на левую руку. Нетерпеливо кивнув мэтру, чтобы вышел, она предложила мне сесть. Я расположилась напротив, хотя размеры стола явно не располагали к такой рассадке для беседы – придется орать. Женщина тоже, видимо, подумала об этом, а потому пересела ко мне, прихватив свой бокал, наполненный какой-то коричневой жидкостью.

– Меня зовут Анастасия Потемкина. Я... вдова Игоря Потемкина... – Она отхлебнула глоток и поморщилась.

«Опа, – подумала я, – а тут дело-то явно не в разводе».

Игорь Потемкин, фактический владелец крупного коттеджного поселка «Снежинка» недалеко от МКАД, скончался года полтора назад. Это событие освещалось широко – ну еще бы! И кажется, как раз Нугзар рассказывал мне что-то о нем и его бизнесе. Ну, точно – дружили они, что ли...

«Снежинка» представляла собой автономную структуру, недвижимостью в которой в основном принадлежала иностранцам. Часть из них имела там собственные дома, а часть – арендовала самостоятельно либо через фирму-работодателя, коих сейчас в столице немало. Насколько я слышала, аренда там доходила до двухсот пятидесяти тысяч долларов в месяц, хотя были и относительно дешевые домики – тысяч по десять. Кроме того, «Снежинка» постоянно расширялась, строительные работы велись активно, а число желающих приобрести или хотя бы арендовать там жилье неуклонно возрастало. Жилой комплекс имел свою инфраструктуру – от школ, детских садов и ресторанов до отдельного поселка, где проживал обслуживающий персонал, – «Снежинка-2». В общем, сидящая передо мной вдова Потемкина могла претендовать на звание богатейшей женщины страны – точно. А может, и не только... Интересно, о чем может идти речь?

– Я вас слушаю.

– У меня серьезные проблемы, – облизывая губы, прошептала Анастасия, пугливо поглядывая на дверь, которую закрыл за собой метрдотель.

– Вы кого-то боитесь?

– Я боюсь всех, – призналась она тем же шепотом. – Дело в том, что у меня дочь... ей десять лет, это третий ребенок Игоря. Есть еще два сына от первого брака, Алик и Юра...

– Я так понимаю, они уже не дети? – Я смутно помнила, что Игорю Потемкину на момент смерти было хорошо за шестьдесят.

– Нет конечно... Алику тридцать два, а Юре двадцать восемь...

– Насколько я могу догадываться, вопрос в наследстве?

– Нет. Мы ничего не делим между собой, у нас прекрасные отношения, вы не подумайте, – зачастила Анастасия, словно боясь, что я уличу ее во вранье. Но почему-то мне ее слова враньем не показались. – Игорь всегда хотел, чтобы мы были одной семьей, ему нравилось, когда его окружали родные люди. Мы ничего не делим, – подчеркнула она еще раз. – Дело в другом... Мне угрожают, понимаете?

– Понимаю. Но адвокат-то вам зачем? Я же не смогу обеспечить вам охрану.

– Речь не о том... От меня требуют продать нашу часть акций – мою и Аленину, понимаете?

Я не понимала. Какой смысл выкупить часть акций, когда другая все равно принадлежит сыновьям?

– А вашим пасынкам такое предложение тоже поступало?

– Насколько я знаю, нет.

Еще интереснее. Или мальчики в доле? Я не стала задавать этот вопрос, но не скрою: дело меня интересовало. Только вот каков будет мой гешефт? Не надеется же эта дамочка, что я буду работать из альтруизма?

– Я не могу уяснить сути вашей проблемы и места, которое мне отведено во всей этой истории.

– Варвара Валерьевна, мне рекомендовали вас как отличного адвоката, я хочу, чтобы вы представляли мои интересы. Любые. Словом, я предлагаю вам стать моим семейным адвокатом, – выпалила Анастасия и залпом допила напиток.

– А что случилось с семейным адвокатом господина Потемкина? Ведь он, как я понимаю, имеется?

– Я... я не доверяю ему... – запинаясь, проговорила она и нажала кнопку вызова официанта.

Когда тот вошел, Анастасия вдруг совершенно изменилась и, даже не интересуясь, слышат ли ее, сказала:

– Две порции блинов с икрой, два фирменных салата... вы едите рыбу, Варвара Валерьевна? – Получив утвердительный ответ, она продолжила: – Стерлядь на пару... Вы за рулем?

Это снова относилось ко мне, и я ответила:

– Нет, у меня водитель.

– Отлично. Водка, коньяк, виски, вино?

– Коньяк.

– Значит, четыреста коньяка. Все.

Такая разительная перемена настроения и манеры вести себя слегка сбила меня с толку. Только что за закрытой дверью сидела испуганная мышка, говорящая шепотом, и вдруг на смену ей явилась уверенная в себе, избалованная деньгами светская львица, совершенно не заботящаяся о стоимости заказываемых блюд и напитков. Нет, я-то могу позволить себе ужин в этом отнюдь не дешевом месте, но каково пришлось бы кому-то, кто зарабатывает не так, как я? Словно поймав мою мысль, Анастасия сказала:

– Ужин оплачиваю я. В конце концов, это я вас сюда притащила.

– Дело не в счете.

– Вас интересует гонорар?

– Разумеется.

Анастасия вынула из клатча зажигалку и сигареты, закурила и сказала:

– Скажу вам честно: больших денег у меня на руках нет. Ну, то есть я получаю некую сумму на мои и Аленины расходы, но все остальное вложено в дело. И вам в качестве гонорара я предлагаю следующее. Вы – женщина обеспеченная, я это точно знаю. Сбережения у вас имеются, и приличные. Я предлагаю вам вложить деньги в акции «Снежинки» в счет части пакета акций. Чужих обычно не подпускают, но раз вы становитесь моим адвокатом... Как только все уляжется, вы получите свои акции и сможете распорядиться ими как угодно – сохранить, продать кому-то из нас, как захотите.

Ее серые глаза буравили мое лицо, и я вдруг подумала, что эта дамочка не так проста и напуганна, как хочет казаться. Нанять адвоката, чтобы грызся за ее наследство с туманной перспективой получить часть пакета акций, – умно придумано. Уж не Нугзар ли ей это посоветовал? Иначе откуда она узнала про мое финансовое положение?

– Я должна все обдумать. Дайте мне три дня.

Вдова согласно кивнула, и мы принялись за блины, которые как раз принес официант.

Дальнейшие разговоры касались разных мелочей: Анастасия рассказывала мне о пасынках, о том, кто и как сейчас управляет компанией, о том, как два месяца назад появились люди, предложившие ей сделку. О том, что именно семейный адвокат Потемкина пришел к ней с этим предложением, не «засветив», таким образом, своих заказчиков. Вот этот момент мне не понравился – похоже, Анастасия права и адвокат тоже в доле. Он же явно видел завещание и знает, кому и сколько оставил Потемкин. Судя по всему, доля Анастасии и ее дочери превышает таковые у сыновей, потому что пришли именно к ней, а не к ним. То есть контрольный пакет – у вдовы.

– А как давно вы общались с пасынками? – вдруг спросила я, и Анастасия, отложив столовый прибор, пробормотала:

– С Юрой месяца полтора назад, а с Аликом... давно...

– Давно – как? – не отставала я, потому что в ее замешательстве мне почудилась какая-то недосказанность.

– Он... он уже три месяца лечится от алкоголизма... Мы практически не навещаем его, врачи запретили...

Бинго. Все понятно. Алик у нас – безвольный алкаш, с таким проще простого: он подмахнет за бутылку любые бумаги. Если уже не подмахнул. Хотя госпитализация в клинику – умный ход со стороны семьи, это исключает любые контакты с кем бы то ни было.

– Мне нужно знать, где именно он лечится.

– Об этом я расскажу только в том случае, если вы согласитесь представлять мои интересы. Тогда я отдам соответствующее распоряжение врачу, и вы сможете даже поговорить с Аликом, если будет нужно, – твердо заявила вдова, и я поняла, что настаивать бесполезно.

Мы закончили ужинать и распрощались – Анастасия сказала, что будет ждать своего водителя здесь, в ресторане, а я направилась к припаркованной машине. Мой Сергей читал газету, но каким-то образом ухитрился заметить, что я приближаюсь к машине, быстро выскочил и открыл дверь:

– Вы домой, Варвара Валерьевна?

– Да, поехали. Устала я что-то, – устраиваясь на заднем сиденье и небрежно бросая рядом портфель с бумагами, пожаловалась я.

– Святослав Георгиевич звонил, – усаживаясь за руль, сообщил Сергей.

– Что хотел?

– Интересовался, где вы и когда будете. Он ждет вас дома.

– А он не сказал, с чего вдруг явился из Вены на сутки раньше? – поинтересовалась я, крайне удивленная таким пассажем: почему это мой Светик звонит водителю и задает тому вопросы, которые не следует задавать обслуживающему персоналу?

– Нет, не сказал. Да я бы его встретил, если что.

«И это тоже странно. Вернулся раньше времени, прервал гастроли, не позвонил, чтобы встретили, зато интересуется, где я и с кем. Несвежих «Захеров» откушал?»

Муж был неумным сладкоежкой, в любой стране мира находил фирменное лакомство и давал себе волю, хотя на его месте я бы задумалась об абонементе в спортзал – с годами у Светика начало расти брюшко. Я уже как-то намекала ему, что совсем рядом с нашим жилым комплексом находится приличный фитнес-центр, но муж пропустил это мимо ушей, приняв за мои обычные придирки. Я не знаю, в какой момент начала разговаривать со Светиком свысока, насмешливо и даже с пренебрежением. Он ни разу не выказал недовольства, наоборот, поэтому подобная манера разговора прекрасно прижилась в нашей семье.

– Татарка стоит опять, – пробурчал Сергей, выворачивая на Большую Татарскую.

До дома оставалась сотня-другая метров, а пробка растянулась на всю улицу. Можно было, конечно, выйти и добраться пешком, но бедолага-водитель все равно вынужден будет

доехать до комплекса, чтобы поставить машину в гараж и забрать там свою. Так что я решила не напрягаться. Да и время, проведенное в пробке, гарантированно сократит мое общение с неожиданно вернувшимся супругом.

В подземном гараже мы оказались только через тридцать минут, я попрощалась с Сергеем, обозначила час, к которому он мне будет нужен завтра, и пошла к лифту. От выпитого коньяка меня разморило, да еще и духота в машине, и пробка – словом, желание было только одно: скинуть с себя одежду, забраться в ванную и полежать минут тридцать в тишине.

Открыв дверь ключом, я с удивлением обнаружила полумрак в квартире, запах горящих свечей и тихую музыку, доносившуюся из гостиной.

«Ну, только романтики мне не хватало! Что за глупая привычка?»

Раздражение охватило меня: я устала, хотела лечь пораньше, а теперь придется сидеть в кресле, пить вино под скрипичную музыку и делать вид, что я до безумия рада этим дурацким свечкам. Не могу больше, вот честно – нету сил.

Светик вышел в коридор сияющий, с улыбкой на лице:

– Варенька... что ж так долго?

– Я работаю, если ты не знал. – Кипевшее во мне раздражение уже не желало сидеть внутри и рвалось наружу.

Светик обескураженно умолк и подал мне домашние тапочки – после целого дня на каблуках у меня отекали и очень болели ноги. Я переобулась, забросила на ходу портфель в свой кабинет и пошла в ванную, краем глаза отметив, что в гостиной накрыт стол: бутылка красного вина, фрукты, коробка шоколадных конфет и – ну а как же! – привезенный из Вены «Захер».

– А... ты в ванную? – растерянно спросил муж, наблюдая за тем, как я сбрасываю вещи и включаю воду.

– Да. У меня был трудный день. Сейчас полежу в ванне и лягу спать. Завтра процесс. Извини, что не смогу провести с тобой романтический вечер – правда, Светик, нет никаких сил. Извини.

Он как-то обмяк, ссутулился, стал меньше ростом и пробормотал:

– Да-да, конечно... ты отдыхай...

Я улеглась в воду и закрыла глаза. В голове все еще вертелся разговор с Анастасией. Я чувствовала, что в этом деле слишком много неясностей, слишком много недомолвок. Но если рассматривать перспективу, то деньги светят очень большие. Такие, что смогу позволить себе несколько лет кататься по Европе и вообще ни о чем не думать. Надо, конечно, с кем-то еще поговорить, чтобы окончательно утвердиться во мнении. Но с кем? Только с дядюшкой. Он, конечно, жук хороший, но совет дельный даст всегда. Я не раз обращалась к нему с разными вопросами и никогда не оставалась не услышанной или непонятой, дядя Витя находил для меня и время, и нужное слово, а однажды – даже трех крепких ребят с бейсбольными битами.

Через полчаса, когда вода в ванне сделалась совсем холодной, я лениво выбралась на мягкий белый коврик, потянулась за халатом, висевшим на крючке, и вдруг замерла. Только сейчас до меня дошло, к чему был весь этот романтический набор в гостиной и почему Светик вернулся с гастролей на сутки раньше. Сегодня – день его рождения...

Как писали мои любимые советские сатирики, «такого позора Остап не испытывал давно». Как, ну как я могла забыть?! Боже мой, какая же я свинья...

Закутавшись в халат, я на цыпочках прошла в гостиную – свечи уже были потушены, торт накрыт прозрачной крышкой-куполком, в бутылку вина вставлена пробка в виде рыбки. Светик ушел в спальню.

Чувство вины охватило меня, и я, взяв из вазы апельсин, подошла к большому буфету, в верхнем ящике которого – я точно знала – хранилась пачка тонких свечей. Прodelав ножом

отверстие в апельсине, я вставила туда свечу, зажгла ее и двинулась в спальню. Муж лежал в темноте, закинув за голову руки с длинными идеальными пальцами. Я присела на край кровати, держа в руке импровизированный «торт», и виновато проговорила:

– Светик, ну, прости... заработалась совсем... С днем рождения тебя, родной мой.

Свободной рукой я с усилием вытащила его руку, вложила в нее апельсин со свечой и попросила:

– Загадай желание.

Светик грустно посмотрел на меня, задул свечу и проговорил:

– Мое желание никогда не исполняется, в какое бы время я его ни загадывал – в Новый год или в день рождения. К сожалению, есть вещи, неподвластные ни мне, ни кому-то свыше.

– И что же такое удивительное ты загадываешь всякий раз? – Я задала этот вопрос скорее по инерции, чем на самом деле желая услышать ответ, потому что боялась его услышать. Боялась, что Светик заговорит о детях, а этого я сегодня уже не вынесу.

Но он меня удивил.

– Я прошу у бога, чтобы он подарил тебе хоть каплю любви ко мне. Одну каплю, один миг, один час – но настоящей, искренней любви. – Сказав это, Светик вернул мне апельсин и отвернулся, давая понять, что разговор окончен.

Я еще посидела около него, чувствуя, как горит лицо, потом поднялась и вышла, выбросила апельсин в мусорное ведро в кухне и заперлась в кабинете. Ночевать сегодня мне тоже придется здесь – я просто физически не смогу вернуться в спальню и лечь под одно одеяло с обиженным и несчастным Светиком, который, оказывается, все прекрасно понимает. Меня смущало только одно: разве, женись на мне, он не знал, что я не люблю его? Разве я хоть единожды дала ему какой-то намек? Нет, напротив – даже моя бабушка отговаривала его от женитьбы, мотивируя это моим несносным характером и тотальным бесчувствием.

– Она никого не любит, Святослав, – услышала я однажды разговор между бабушкой и будущим мужем, – поверьте, вы не станете исключением. У Вари просто нет органа, отвечающего за чувства. У нее вместо мозга – Конституция и Уголовный кодекс, а вместо сердца – кассовый аппарат. Поверьте, она моя внучка, я ее очень люблю, но я вижу, что Варя сделает вас несчастным.

В ответ на эту тираду Светик только усмехнулся:

– Тамара Борисовна, я сторонник теории, согласно которой при помощи любви и ласки, а также постоянного внимания и нежности можно приручить даже дикое животное. Так что же говорить об умном, интеллигентном человеке с воспитанием, подобным Вариному? Любовь можно развить так же, как развивают и вырабатывают вкус к хорошей музыке. Я уверен, что со временем она полюбит меня пусть не так же сильно, но в меру своих возможностей. У нас все будет хорошо.

– Нет у нее никаких возможностей, – вздохнула бабушка. – Я не могу запретить вам, Святослав, не могу отговорить, вы взрослый человек. Возможно, все будет именно так, как вы сказали. И я первая буду рада этому. Однако не обольщайтесь.

Бабушка оказалась совершенно права. Никакого чуда не произошло. Потому что женщина, которой однажды сделали больно, уже никогда никому не доверится. Только бедный Светик этого не знал.

Утром муж поднялся рано, как обычно, сварил кофе и овсянку, приготовил мне свежавыжатый сок из моркови и яблок, принес все это в кабинет, предварительно постучав и спросив, проснулась ли я. Как ни в чем не бывало. Мне порой начинало казаться, что Светик либо хороший актер, либо просто дурак: ну как можно делать вид, что ничего страшного не произошло, когда накануне жена забывает о твоём дне рождения? А ты встаешь, хотя тебе никуда не нужно, у тебя законный выходной после поездки, чистишь морковь и яблоки,

варишь кашу, добавляешь в кофе специи... Зачем ему это? Или он действительно так меня любит? Не испытывая ответного чувства, я не особенно в это верила. Мама моя, еще когда жила здесь, в России, всякий раз закатывала глаза и произносила:

– Откуда у тебя этот ужасный, неизбывный, непробиваемый цинизм?

Откуда-откуда... Хороший был учитель в свое время.

Светик опустил поднос на выдвижной валик кожаного дивана:

– Ты поела бы, Варюша, пока горячее.

– Да, спасибо, – я села, натянув одеяло до груди и поджав колени, – ты сегодня дома будешь?

– Да, хочу полежать с книжкой. Надо бы в театр, конечно, съездить, но как-то не тянет, сил нет.

– Как гастроли? – беря ложку, поинтересовалась я, понимая, что должна, просто обязана после вчерашнего об этом спросить.

– Аншлаги. Принимали хорошо, публика очень благодарная. Молодых много, как ни странно.

– Ну почему странно? Сейчас оркестровая музыка на подъеме – в нашу консерваторию с насока и не попадешь, – заметила я, дуя на горячую кашу.

– Откуда ты-то об этом знаешь? – вдруг не сдержался Светик, и я от удивления чуть не подавилась овсянкой. – Когда ты в последний раз была в консерватории? Курсе на третьем? Ну, еще бы – там судебных процессов-то не показывают!

Я молча смотрела на так неожиданно взбрыкнувшего мужа в упор, не отводя взгляда, и Светик снова обмяк, сделался самим собой и забормотал:

– Варенька, прости меня... не знаю, что накатило... устал, видимо... Я не хотел тебя обидеть – когда тебе в самом деле в консерваторию ходить? Ты же столько работаешь...

– Ну, раз тебя так беспокоит мой культурный уровень, то сделай милость – купи на вечер билеты, и сходим, – холодно сказала я, отодвигая тарелку с кашей. – А то действительно позор: жена выдающегося дирижера, а в консерватории сто лет не была. Вдруг на каком-то приеме обнаружу полное незнание предмета, а? Краснеть ведь будешь!

Монолог этот был совершенно в моем стиле – вроде как согласилась, предложила вечер вместе провести, но при этом все равно нашла, за какое место укусить: Светик отлично знал, что моей эрудиции и заложенных бабушкой знаний вполне хватало на то, чтобы в его музыкальной тусовке не выглядеть человеком из другого мира. Светик намек понял сразу, вспыхнул до корней волос:

– Варя... не нужно, я же все понимаю!

– Нет, отчего же. Я, может, хочу.

– Но ведь ты балет больше любишь...

– Ну, так подсуетись, у тебя же есть связи?

Светик поднялся, забрал тарелку с остатками остывшей овсянки и вышел. Я допила сок и кофе, потянулась и бросила взгляд на большие напольные часы: была половина девятого, если я хотела поговорить с дядюшкой до выходных, то следовало поторопиться – в два часа дня мне нужно быть в суде.

В душе под упругими струями я пела. Слава богу, что ванная у нас в квартире расположена очень далеко от гостиной и кабинета Светика, иначе он сошел бы с ума – слухом я не обладала. Выйдя же из душа, я обнаружила в кухне сияющего Светика:

– Все, Варенька, в семь часов «Драгоценности» в Большом, партер, пятый ряд, места с краю, – объявил он тоном победителя.

Пришлось поцеловать супруга в щеку за проявленную смекалку и оборотистость: достать билеты на приличные места в Большой театр в день спектакля даже за большие деньги было непросто.

Дяде Вите я позвонила из машины, надеясь застать его врасплох и вырвать разрешение заехать. Офис его конторы располагался на Якиманской набережной, не особенно по дороге, но ничего, Сережа как-нибудь покрутится.

- Варька? Ты чего это с утра? – зарокотал в трубку дядя. – Проблемы?
- Нет, разговор есть серьезный. Можешь уделить мне полчаса?
- Вот же... В кои-то веки хотел позавтракать, – с досадой произнес дядюшка.

И я мгновенно сообразила:

- А давай позавтракаем. Ты в офисе?
- Нет еще.
- Тогда давай на Ордынку, в «Островский»? Там неплохо.

Он подумал пару секунд и согласился.

- Сережа, планы меняются, мы на Ордынку.
- Хорошо, что вовремя сказали, – хмыкнул водитель, меняя курс.
- Мне надо с дядей встретиться, а ты заодно тоже позавтракаешь.
- Да я вроде как сыт.
- «Вроде как» не считается, – решительно отрезала я. – Сядешь и поешь как следует – я не знаю, когда отпущу тебя сегодня.

Мой дядя с годами не утратил внешней респектабельности – огромный, с седой гривой, холеный и дорого одетый, он привлекал к себе внимание. А его рокочущий голос был слышен отовсюду. Поэтому мне не пришлось озираться в «Островском», чтобы найти его. Дядюшка восседал за центральным столом и в тот момент, когда я появилась, как раз делал заказ.

– Ты собираешься провести тут полдня? – иронично спросила я, усаживаясь за стол. – Как можно столько заказывать на завтрак?

- Ты же знаешь, я люблю хорошо поесть, – хохотнул он.

Его любовь к еде в нашей семье всегда была поводом для шуток и подтруниваний. Правда, при этом дядя оставался в хорошей форме и даже брюшком не обзавелся с возрастом, наоборот, – оставался подтянутым и спортивным. Он любил теннис и много времени проводил на кортах, даже меня в свое время пытался приучить, но я оказалась для этого слишком ленива.

- Так я слушаю тебя, – напомнил дядюшка, жестом отпуская официанта.
- Ты когда-нибудь слышал об Игоре Потемкине?
- Разумеется. Но он, насколько я помню, умер?!
- Да, было дело.
- Тогда почему ты интересуешься его персоной?

Я крутила в руках солонку и подбирала слова. Мне вдруг показалось, что стоит не открывать все карты, а постараться выудить из дяди совет, не выдавая полной информации.

- Понимаешь... его вдова обратилась ко мне с предложением стать ее адвокатом.

Седые брови дядюшки взметнулись вверх:

- Что за чушь?

Это прозвучало как-то очень уж обидно.

– Почему это? Ты считаешь, что я не гожусь для этого? – спросила я, ожидая утвердительного ответа, но дядя меня удивил:

- Нет, ты-то как раз вполне годишься. Но что случилось с прежним?
- С кем? – не поняла я, и он объяснил:
- С адвокатом Потемкина.
- Это меня не касается. Как ты думаешь, предложение стоит рассматривать?

– Все зависит от величины гонорара, детка. Тебе придется возиться с разной ерундой – от ежемесячных выплат на содержание ребенка до ситуаций с любовниками вдовы.

– А они у нее есть?

Дядя захохотал:

– Варька, тебе скоро сорок, а ты никак не можешь понять: молодая баба с такими деньжищами, как у Потемкиной, автоматически становится мишенью для охотников за чужим золотишком. Поверь: вокруг нее табунами крутятся любители наживы.

– Ты сам меня учил: факты, ничего, кроме фактов, – невозмутимо сказала я. – Представь доказательства, а потом обвиняй женщину. Или ты говоришь гипотетически?

Дядюшка внимательно наблюдал за тем, как официант расставляет перед ним заказанный завтрак, и, казалось, вообще меня не слышал. Едва парень удалился, дядя взял нож и вилку, отрезал порядочный кусок яичницы с беконом и пробормотал:

– Варя-Варя, в кого ж ты такая уродилась... Доказательств у меня пока нет, но если тебе нужно...

Я пожала плечами:

– Мне – не нужно. Это вообще не мое дело. Я хотела совета, но чувствую, что не получу его. Слишком уж ты шовинист, дорогой дядя. – Я поднялась, собираясь уйти, но дядюшкина ручища крепко ухватила ремень моей сумки:

– А ну, сидеть! Куда собралась?

– Я теряю время, а в два мне нужно быть в суде.

– Успеешь! – отрезал он. – Садись.

Пришлось подчиниться. Я вернулась на свое место, с отвращением посмотрела на дядюшкину яичницу и вздохнула.

– Что? Муки выбора? – заметил он. – А ты не думай, Варька. Просто не связывайся. Не лезь – и все. Большие бабки – большие проблемы. Ты женщина, к чему тебе это? Дела вроде неплохо идут, имя есть у тебя, заработки хорошие. А тут... Как бы тебе чего не прилетело рикошетом.

Эта фраза заставила меня насторожиться. Было ощущение, что он неплохо осведомлен о том, что происходит вокруг вдовы Потемкина, а возможно, даже сам как-то в этом участвует. Уж на что на что, а на деньги у дяди всегда был нюх. И это только раздрадило меня. Конечно, пока я не скажу ему ни слова, но Анастасии позвоню непременно и дам согласие работать на ее условиях. Если мой дядя каким-то образом причастен ко всем этим делам, то я точно не прогадаю.

– Я тебя поняла. Собственно, твое мнение – это все, что я хотела услышать, – как можно равнодушнее проговорила я, и дядя удовлетворенно кивнул:

– Да на здоровье! Ты ведь мне не чужая.

Мы поговорили еще о чем-то малозначительном, обсудили приближающийся юбилей бабушки – Тамаре Борисовне исполнялось восемьдесят пять, и дядюшка, хоть и не был ей родней по крови, считал своим долгом отпраздновать событие с размахом. Не знаю почему, но мне всегда казалось, что он испытывает перед бабушкой вину за что-то. Помню, он часто ссорился с мамой, упрекая ту в недостаточном внимании к бабушке. Мамочка, занятая исключительно собственной персоной и карьерой, и мне-то уделяла крохи своего времени, что уж говорить о старой матери! Зато дядюшка, не являясь ей никем, ни разу не забыл поздравить с праздниками, привезти букет любимых цветов или флакон духов, а уж это моя бабушка позволяла только близким людям. Возможно, это происходило потому, что свою мать ни дядя, ни мой отец почти не помнили: когда она умерла, дяде было пять лет, а папа и вовсе только родился. Правда, он-то не относился к матери жены с таким почтением, как его брат, а скорее терпел ее высокомерие, барские замашки и не совсем типичный уклад дома, где вынужден был жить.

Бросив взгляд на часы, я поняла, что нужно выдвигаться, если не хочу опоздать в суд.
– Время вышло? – иронично улыбнулся дядюшка.

– Да, к сожалению.

– Ну, не буду задерживать. Дело, Варька, всегда должно быть на первом месте. Тебе надо было, конечно, парнем родиться – с твоей хваткой далеко пошла бы.

– Мне и так неплохо.

Я чмокнула его в гладко выбритую щеку и попрощалась. Сергей, сидевший за столиком у выхода, мгновенно вскочил и вышел. Краем глаза я увидела оплаченный им счет и вытянула чек из папки. Не хватало еще, чтобы водитель в таком месте рассчитывался за себя. Я не настолько много ему плачу.

– В офис, Варвара Валерьевна? – открывая мне дверь машины, спросил Сергей.

– Да, давай заедем, тут недалеко, и Ордынка вроде движется неплохо.

Всю дорогу до офиса я прокручивала в голове разговор с дядей, и чем дольше я думала об этом, тем сильнее крепла моя уверенность в том, что он знает о «Снежинке» и ее умершем владельце куда больше, чем я. И он как-то слишком уж сильно не хочет, чтобы дело обстояло иначе. Но мне теперь это уже неинтересно. Я должна продумать свои действия и прикинуть, с какой стороны вообще подступиться к этой странной семейке. И главное, попробовать понять, откуда исходит угроза. А попутно выяснить, кто является адвокатом Потемкиных сейчас. Словом, дел хватит. И не забыть бы еще про вечерний балет, а то два прокола подряд перед мужем совсем уж не комильфо.

В офисе, попросив Ниночку принести кофе, я нашла в сумке салфетку с телефоном Анастасии Потемкиной, позвонила ей и сказала всего два слова:

– Я согласна.

– Срочно наведи мне справки про все дела, которыми сейчас занимается Жигульская Варвара Валерьевна.

– Это кто – Щука? Какие справки, и так все известно, она вроде как легальный бизнес ведет, никуда не лезет.

– Не лезла. Не лез-ла, понял? В прошедшем времени. Нынче она – адвокат мадам Потемкиной со всеми отсюда вытекающими, понял? И я хочу знать о ней все. Каждый шаг, каждый разговор по телефону. И главное – как именно Потемкина с ней рассчитываться собралась.

– Ну как-как? Ясное дело – бабками.

– Ой, умный какой! А ты откуда знаешь, что они у нее есть, бабки эти?

– Ну, живет же она с девкой своей на что-то. Ребенка содержать же надо.

– Вот именно – на что-то! И это точно не то бабло, чтобы адвоката нанять, да еще уровня Жигульской.

– Раз наняла, значит, есть бабло.

– Вот и выясни, не брешет ли нам наш приятель-адвокат. С его слов выходит, что налички у мадам едва-едва на жизнь, а тут такой финт.

– Хорошо, выясню.

– А еще лучше – пусть прежний адвокат сам все и узнает. Его косяк, что мадам с крючка срывается, вот пусть пошевелится теперь, а то привык, расслабился.

В предпоследнюю неделю ноября я сидела в своем кабинете и никак не могла заставить себя хотя бы открыть папку с бумагами по очередному процессу.

Светик снова улетел на гастроли, на этот раз куда-то в Азию, я даже не потрудилась уточнить, хотя он, конечно, не раз произнес название страны. Но я уже так привыкла не замечать его и не интересоваться особенно его делами, что, разумеется, не заострила на этом

внимания. У меня есть благословенный месяц, когда не нужно будет заставлять себя возвращаться домой, а можно ехать туда с удовольствием, зная, что не придется себя насилловать. Вернуться Светик должен был как раз к бабушкиному юбилею, а через неделю после этого – Новый год. Обычно мы отмечали его у кого-то из друзей – либо у Аннушки, либо у кого-то из коллег Светика. Он любил шумные компании, застолья, разговоры до утра. Мне же каждый раз приходилось уговаривать себя. Если у Аннушки я, по крайней мере, могла уйти в спальню и лечь там, оставив подругу с мужем в гостиной за разговорами и бутылочкой коньяка, то у друзей Светика приходилось делать заинтересованное лицо, улыбаться, быть милой со всеми и поддерживать неинтересные лично мне беседы. С некоторых пор люди стали вызывать у меня отвращение и иной раз даже ненависть. Но я подчинялась необходимости соблюдать определенные правила, а потому безропотно ходила с мужем в гости и на приемы.

Этот Новый год мы собирались отмечать у Аннушки, она грозилась привести очередного кавалера, который, в свою очередь, обещал ей отправить жену и троих детей за границу и провести праздник вместе. Я смутно подозревала, что опять мы будем праздновать втроем, как уже не раз бывало: Аннушкины кавалеры имели свойство растворяться в пространстве непосредственно перед самым празднеством. Скорее всего, нынешнего постигнет та же участь. Не то чтобы я не желала подруге счастья, нет, наоборот. Но оно виделось мне несколько иначе и уж точно не в образе женатого кобеля с тремя довесками.

Так или иначе, до Нового года еще больше месяца, посмотрим, как все пойдет. А пока я буду наслаждаться одиночеством в квартире, а заодно вникну в суть некоторых дел своей новой клиентки.

Я так увлеклась построением планов, что не сразу услышала трель интеркома – секретарша Ниночка сообщила, что ко мне посетитель. С удивлением заглянув в ежедневник, я не обнаружила никаких встреч на этот час, а потому переспросила:

– Вы точно уверены, что я кому-то назначала встречу?

– Нет, Варвара Валерьевна, не назначали. Но господин Мельников очень настаивает.

– Мельников? – еще сильнее удивилась я, не припоминая никого с такой фамилией. –

Ну хорошо, пусть войдет, но предупредите, что у него есть всего двадцать минут.

Я села за стол и бросила взгляд на входную дверь. На пороге возник высокий мужчина в сером костюме. Лицо его показалось мне смутно знакомым, смущала только аккуратная эспаньолка. Когда же он, закрыв дверь, двинулся прямо ко мне, внутри все ухнуло вниз. Ко мне приближался Кирилл Мельников. Кира, Кирюша... Моя первая и самая сильная, даже единственная любовь в жизни.

– Ну, здравствуй, Варенька, – произнес он бархатным голосом, и я почувствовала, как закружилась голова и стало ватным все тело.

Он вернулся...

Ощущение странной опасности вдруг охватило меня, я почему-то четко поняла, что с этого момента, вот с этой самой закрытой двери моего кабинета, все пойдет иначе. Мало того – непременно что-то произойдет. Что-то такое, в чем мне придется принимать самое активное участие.

Я постаралась взять себя в руки, придать лицу высокомерное и отстраненное выражение, и это, судя по всему, мне удалось, потому что Мельников остановился и спросил удивленно:

– Ты... не узнаешь меня?

– Узнаю, – как можно равнодушнее откликнулась я, – но даже это не дает вам права, господин Мельников, являться в мой кабинет без предварительно назначенной встречи.

– Варя, Варя, ну к чему официоз? – снова улыбаясь, спросил он и по-хозяйски отодвинул стул, уселся, закинув ногу на ногу. – Я к тебе по старой памяти, а ты...

– Хорошая у вас память, жаль, короткая, – бросила я, стараясь не отводить взгляда. Это давалось мне с трудом – ну почему, почему с годами он не стал ни на йоту некрасивее? Почему не обрюзг, не растолстел, не покрылся морщинами? Почему не обзавелся плешью или пивным животом? Почему он по-прежнему так красив, уверен в себе и нагл от этого? Что он делает в моем кабинете, зачем вернулся в мою жизнь?!

– Я понимаю, Варенька, что очень виноват перед тобой. – Господи, зачем он говорит? Я не могу слышать его бархатного голоса, обволакивающего меня с ног до головы.

– Кирилл Андреевич, я бы очень просила вас не нарушать дистанцию. Я вам не Варенька, мы не на лавке в парке Горького.

Как же я не хотела, чтобы он заметил, каких трудов мне стоит держаться так холодно! Мне настолько тяжело, что я кажусь сама себе грузчиком, в одиночестве разгрузившим фуру цемента. Я не видела его много лет, я считала, что больше никогда не увижу, я уничтожила свою память – и вместе с ней уничтожила сердце, чтобы оно никому не досталось. Я больше никогда и никому не поверю. Я не люблю даже собственного мужа – и только Мельников виноват в этом. А он смеет являться как ни в чем не бывало, улыбается, благоухает отличным парфюмом и выглядит как кинозвезда.

Мои слова, насколько я видела, задел Мельникова. Он выпрямился, принял строгую позу, сложил перед собой на столе руки и официально произнес:

– Хорошо, Варвара Валерьевна, как скажете. Я к вам по официальному поводу. Вы изволили переманить у меня клиента.

– Напомните, какого именно, и, я уверена, мы разрешим это недоразумение.

Кирилл вдруг встал и подошел вплотную ко мне, дернул кресло за подлокотники, и оно послушно выкатилось из-за стола. Нависнув надо мной, как огромный шкаф, Мельников зашипел мне в лицо:

– Ты что?! Не понимаешь, да?! Куда ты полезла, дуреха?

– Убери руки, быстро!

– Варька, я ведь не шучу. Зачем ты полезла в дела «Снежинки»?

Я оттолкнула его и встала, отошла к окну и вцепилась пальцами в подоконник. Закружилась голова, к горлу подкатил противный комок. Не в первый раз за последние несколько недель я получаю предложения отступить от дел Потемкиной. Сначала дядя, теперь вот вынырнувший откуда-то из глубин прошлого Мельников.

– Варя, послушай, – он подошел ко мне вплотную и теперь практически дышал в макушку, – послушай меня, ты ведь умная девочка. Тебе что, денег мало? Сколько она пообещала тебе? У нее ведь нет ничего, а скоро и того, что сейчас есть, может не стать. Варя, тебе нужно отказаться.

– Мотивируй, – собрав в кулак остатки воли, потребовала я, не оборачиваясь.

– А что тебе непонятно?! Это криминал, Варя. Кри-ми-нал! Тебе это зачем?

– Ты меня не убедил. Я адвокат, если ты забыл, я хочу видеть факты и доказательства. А эмоции и страшилки оставь кому-нибудь другому.

Он внезапно схватил меня, развернул к себе и, сжав за плечи, впился в губы поцелуем. Одна часть меня хотела сопротивляться что есть сил – кусаться, лупить кулаками и пустить в ход каблук и ногти, а вот другая... Другая растворилась в неожиданном поцелуе – столько силы и нежности одновременно вложил в него Кирилл. Торопливо смахнув на пол со стола все бумаги, он завалил меня на столешницу и улегся сверху. Я перестала соображать, вцепилась пальцами в крепкие мышцы, обтянутые пиджаком и рубашкой. Как же я, оказывается, соскучилась, а главное, неужели я все помню? Помню его запах, каждый вздох, каждое движение, заранее чувствую, что он сейчас сделает. Удивительная штука – женская память... Только бы Нинка не вошла, не хватало мне загубить одним махом свою безупречную в смысле мужчин репутацию... Никогда я не приводила любовников в офис...

– Варька... Варька... – бормотал Мельников, жадно шаря руками по моему телу под блузкой. – Как же я скучал...

Эта фраза вдруг отрезвила меня, освободила от затуманившей мозг страсти. Я вытянулась и уперлась рукой в грудь Кирилла:

– Скучал?!

– Варя... не надо, милая, перестань... – пробормотал он, легко преодолевая сопротивление. – Потом, давай все потом – дела, разговоры... все потом...

Я никогда не встречала мужчины, хоть отдаленно напоминавшего бы мне Мельникова. Всю жизнь я сравнивала своих любовников с ним, и всякий раз это сравнение оказывалось в его пользу. Конечно, это здорово осложняло мою интимную жизнь: активный, жадный и умелый в постели Мельников был неподражаем и недосягаем. Довольствоваться меньшим было противно – как будто ужинать в «Макдоналдсе» вместо «Пушкина», например. Поэтому все мои связи носили характер почти мимолетный. «Для здоровья», как определяла это Аннушка, которой я изредка рассказывала какие-то истории. Светик в постели оказался совершенно несостоятельным и – более того – робким, как подросток. И так было с первого дня. Подозреваю, что я оказалась его первой и единственной женщиной, и, что делать со всем этим, Светик просто не знал. Разумеется, терпеть такое положение вещей я не стала, но и брак разрушать – тоже. Сперва было как-то неудобно перед родней, потом – то некогда, то имидж нарабатывала, а со временем вообще привыкла и поняла, что лучше иметь такого друга, как Светик, чем жить одной. Теперь же, лежа на столе под тяжелым, но таким родным телом Мельникова, я поняла, что годы одиночества закончились. Я ни за что не отпущу его больше, не дам уйти. Он должен, просто обязан компенсировать мне все то время, что я провела без него!

Я не понимала, сколько прошло времени, казалось, что вечность, наверное, так и было. Мы лежали на столе, тесно прижавшись друг к другу боками, и грудь Мельникова вздымалась под расстегнутой рубашкой. Галстук, который он не снял, а только ослабил, болтался где-то за плечом, пиджак валялся на полу, как и мои туфли и стринги. Я чувствовала, что юбка задрана до неприличия, а на блузке, похоже, не хватает пары пуговиц, а мне ведь еще на встречу сегодня. Плевать – под пиджаком не заметят. Да и вообще я ни о чем не хочу думать, кроме одного: вот он, Кирилл. Он есть. А значит, и я тоже теперь есть.

– Ох, Варька... – выдохнул Кирилл, осторожно переворачиваясь так, чтобы видеть мое лицо.

– Зачем ты сделал это? – тихо спросила я, прикусывая губу.

– Обвиняешь? – усмехнулся он в ответ и так посмотрел в глаза, что я снова почувствовала себя той прежней Варей Жигульской, студенткой-первокурсницей юрфака.

– Это нечестно. Ты исчез, пропал – и... и теперь...

– Поправь меня, если я путаю, но ведь это *ты* выскочила замуж так скоропостижно, как будто на поезд опаздывала.

– А тебе не приходило в голову, почему я вдруг вышла замуж? Или даже не так: кто стал причиной моего замужества?

– Ну, думаю, что вряд ли это был сам виновник, так сказать, торжества... как, бишь, его зовут, мужа твоего? – Кирилл сморщил лоб, словно припоминая имя, хотя я прекрасно понимала, что он ни на секунду не забыл его, как, видимо, не забывал и меня все эти годы.

– Не юродствуй. – Я спустила ноги со стола и встала, пытаюсь привести в порядок блузку и юбку, – тебе это не к лицу.

– А ты совершенно не изменилась, Варвара. – Кирилл тоже поднялся и снял с шеи болтавшийся галстук. – Все та же категоричность в высказываниях, все та же прямолинейность. Не тяжело так жить-то, Варюша?

– А ты явился, чтобы облегчить мою жизнь? – Я уже жалела, что поддалась слабости, что уступила ему совершенно без сопротивления, что позволила прикоснуться к себе.

Я, видимо, забыла его или просто не видела, какой он – самодовольный, напыщенный, влюбленный в себя и считающий, что все вокруг тоже должны разделять это чувство. Я идеализировала образ Кирилла, или со временем негативные воспоминания стерлись и остался только красивый фасад. А за ним, оказывается, идет жизнь...

Мельников неторопливо застегивал пуговики на рубашке, снова повязывал галстук и, казалось, отсутствовал. Тело здесь, а душа где-то далеко. И мысли тоже отсутствуют. Эта манера раздражала и притягивала меня еще тогда, в юности. Правда, в то время это казалось загадочным, сейчас же только злило.

Зажужжал интерком, и Ниночка своим мелодичным голоском поинтересовалась, не сварить ли нам с посетителем кофе.

– Нет, спасибо, Нина, не нужно. Подготовьте, пожалуйста, материалы по процессу, я скоро выезжаю.

– В суд? – поинтересовался Мельников, уже успевший привести в порядок свой костюм.

Я не ответила, взяла с вешалки в шкафу пиджак и пошла к большому зеркалу. Да, пиджак отлично скрыл отсутствие пуговиц на блузке, если не забыть и не расстегнуть, то никто и не догадается. Не глядя на Мельникова, я подобрала с пола стринги, не смущаясь, надела их и, одернув юбку, поинтересовалась:

– Ты сказал и сделал все, зачем пришел? Или есть еще какие-то нереализованные планы?

Кирилл несколько секунд ошарашенно молчал, но потом разразился хохотом – так, как раньше, запрокинув голову и прикрыв глаза:

– Ну ты даешь! Я чуть лужу не сделал, ей-богу! Где ты научилась разговаривать таким тоном, что мухи на лету замерзают, а?

Я проигнорировала вопрос и открыла дверь:

– Всего доброго, Кирилл Андреевич.

– Я понял. В следующий раз постараюсь записаться к вам на прием заранее.

– Следующего раза не будет, господин Мельников.

Он направился к выходу из кабинета, и я на секунду потеряла бдительность, решив, что этот раунд остался за мной, однако Кирилл вдруг, уже стоя на пороге, развернулся и поцеловал меня в щеку:

– Берегите себя, госпожа Жигульская.

Я отпрянула назад, как от пощечины. К счастью, секретарша была слишком увлечена пасьянсом и не заметила произошедшего.

Я закрыла дверь и, прислонившись к ней спиной, сползла на пол. Хотелось плакать. Я так и не поняла, откуда на мою голову через столько лет свалился Мельников, но стойкое ощущение, что с сегодняшнего дня все пойдет иначе, не уходило.

– И ведь я даже не помню, с чего он начал разговор, – пробормотала я, обнимая руками колени. – Зачем он приходил, почему именно сейчас?

– Ой, Варвара Валерьевна, а вы чего это дверь заперли? – Ручка дергалась вверх-вниз, Нина из приемной пыталась выйти, но я крепко подперла дверь своим телом и двигаться никуда не желала. – Вам же выезжать скоро, я вот и бумаги все подготовила. С вами все в порядке?

– Да, все нормально. Сварите мне кофе, Нина, покрепче.

Я тяжело поднялась, отрянула юбку, поправила растрепавшуюся прическу. Нет, нужно взять себя в руки и постараться сосредоточиться на предстоящем процессе, чтобы не

подвести клиента. Я не имею права рисковать репутацией и – что уж там – гонораром из-за внезапно появившегося в моем кабинете человека из прошлого.

Вошла Нина с подносом, на котором дымился кофе в белой фарфоровой чашке. Этот набор привез Светик из какой-то поездки, тонкие чашки с почти незаметным ободком позолоты показались мне идеально подходящими к интерьеру кабинета, и я привезла их сюда. Кофе из такого фарфора оказался удивительно вкусным, ничто не могло с ним сравниться. Сейчас почему-то захотелось закурить, хотя от этой привычки я отказалась лет пять назад – просто взяла и бросила, даже не мучилась особенно. Правда, иногда я позволяла себе сигариллу, которые всегда хранились у Нины в столе – так меньше соблазна.

– Ниночка, а можно мне одну? – улыбнулась я, подвигая поднос к себе, и секретарша моментально поняла, о чем речь.

– Одну – можно, – покровительственным тоном ответила она и, покачивая бедрами, выплыла из кабинета.

Мне нравилась Нина – легкая, умная, воспитанная. Со временем я собиралась сделать ее помощником, а дальше, если покажет себя как следует, подумать и о партнерстве. На нее можно было положиться, Нина умела обращаться с документами, ни разу ни одна бумажка у нее не потерялась и не попала не на свое место. До нее работала Катя – и вот это время я вспоминать вообще не люблю. За три месяца она ухитрилась устроить в документах такой бардак, что пришедшая ей на смену Нина вынуждена была провести в офисе немало вечеров, чтобы все разобрать.

С наслаждением выкурив сигариллу и выпив кофе, я почувствовала себя намного лучше. Бросив взгляд на часы, поняла, что нужно выезжать, иначе опоздаю, и нажала кнопку интеркома:

– Нина, позвоните Сергею, я выхожу.

– Хорошо. Звонил Святослав Георгиевич, сказал, что ваш телефон не отвечает. Он вернулся, просил передать, что взял билеты на балет на сегодня.

– Вернулся? – переспросила я.

– Да, сказал, что какие-то неувязки с контрактом. Так я звоню Сергею?

– Да, звоните.

Странное возвращение Светика заставило меня задуматься. Второй раз за довольно короткий промежуток времени он вот так прерывает гастроли и является домой в неподходящее время. Нужно поговорить с его концертным директором Ирой, что-то здесь не так.

Когда я одевалась и меняла туфли на сапоги, Нина с озабоченным лицом вошла в кабинет:

– Варвара Валерьевна, а Сергей трубку не берет. Несколько раз набирала – гудок есть, а никто не отвечает.

– Может, курит?

– Ну, не столько же времени! И где телефон у него? В машине, что ли, бросил?

Это было странно: трубку Сергей всегда носил в кармане, чтобы быть на связи в любой момент.

– Ладно, пойду. Может, просто звонка не слышит.

Первое, что я увидела, подходя к парковке, – это оцепление. Мою машину обступили люди в форме, двери открыты настежь, кругом суета. Что за ерунда?

– Минуточку, мадам, – преградил мне дорогу толстый полицейский с красным носом, – туда нельзя.

– Что происходит? Это моя машина.

– Ах, ваша? Погодите-ка... – Он повернулся и крикнул: – Андрей Васильич, тут хозяйка объявилась, пускать?

От толпы отделился высокий человек в форме, подошел и сунул мне «корочку»:

– Майор Зеленый. Ваша машина?

– Моя. В чем дело?

– Документы попрошу.

– Документы у водителя, я сама за рулем не езжу.

– Ваши документы, – поморщился он, и я вдруг разозлилась.

Что за манеру взяли наши правоохранители общаться с людьми так, словно они все априори преступники?

– Моя фамилия Жигульская, я адвокат. – Я сунула ему паспорт и адвокатское удостоверение и с удовольствием наблюдала, как меняется выражение его лица. – Теперь, надеюсь, вы объясните мне, в чем дело?

– Дело, Варвара Валерьевна, в том, что в вашей машине обнаружен труп гражданина Топоркова Сергея Михайловича, одна тысяча девятьсот семьдесят седьмого года рождения, – со вздохом ответил майор. – Вы знали данного гражданина?

Я оторопела. Как – труп?! С чего?! Почему Сергей, как вообще...

– Погодите... я не совсем понимаю...

– Ну что тут непонятного? На водительском месте вашей машины труп. Вы знали гражданина Топоркова?

– Конечно... это мой водитель, он возит меня уже пять лет. Но я не понимаю...

– А нечего понимать. Мертв ваш водитель. Задушен, предположительно удавкой.

– Удавкой? – переспросила я. – Это значит, что кто-то сел в машину на заднее сиденье?

– Правильно, – кивнул Зеленый, – и этот «кто-то» не вызвал у него подозрений.

– Из чего это следует?

– Ну вы же не маленькая! А как иначе подобраться к человеку, который сидит в машине?

Я бы с удовольствием подискутировала на эту тему, но мне нужно было как-то попасть в суд, и сделать это по возможности скорее. Гибель водителя не будет служить мотивом для переноса слушаний, как бы жестоко это ни звучало. Сергея безумно жаль, но теперь это уже неважно – он мертв, а мне нужно жить дальше.

Я попыталась, как могла, объяснить это майору. Пришлось даже взглянуть на труп водителя. Сергей сидел на своем месте, неестественно запрокинув назад голову, и на шее в расстегнутом воротнике кожаной куртки виднелась багровая полоса. Меня затошнило, закружилась голова, и я, качнувшись, схватилась за стоявшего рядом майора. Он поддержал меня за плечи, иначе я мешком свалилась бы в снежно-грязевую кашу на тротуаре.

– Ладно, с вами все ясно. Если будете нужны, вызовем, – буркнул он. – Селиванов, проводи даму. – И рядом со мной тут же возник молоденький полицейский, на чью руку я оперлась, чтобы дойти до здания.

Я вернулась в офис, чем удивила Нину, которая считала, что я уже подъезжаю к зданию суда:

– Ой, Варвара Валерьевна, а вы чего это вернулись? Забыли что-то?

И только сейчас, в теплом кабинете, меня покинули силы, а произошедшее предстало во всей красе: убитый в моей машине Сергей, с которым я рассталась несколько часов назад. Недавно он был, мы завтракали в небольшой кофейне – и вот его уже везут в морг в черном пластиковом мешке.

– Нет... не забыла... – Я буквально упала на диванчик, распахнула шубу и расстегнула воротник блузки – стало нечем дышать. – Сергея убили... вызови Дмитрия срочно, пусть едет в суд вместо меня. И позвони Артему Анатольевичу, предупреди, что вместо меня приедет Дмитрий... – выговорила я, с трудом ворочая языком.

Нина слушала, прикрыв рот ладонью, и часто кивала головой:

– Да-да, конечно... я сейчас... вам, может, валерьянки?

– Коньяк лучше...

Осторожно, как с больного ребенка, Нина сняла с меня шубу, принесла бокал, в котором на дне плескался коньяк, и взялась за телефон. Наверняка клиент сейчас разозлится, но я внезапно поняла, что не смогу никуда ехать, не смогу ничего говорить и толку от меня никакого не будет. А Димочка в курсе, он сумеет представить интересы клиента не хуже меня.

Я на какое-то время выпала из окружающей реальности, ничего не слышала и не видела. Три больших глотка коньяка дали о себе знать – в голове закружилось, зашумело, руки и ноги сделались горячими и ватными. Сейчас бы прилечь, закрыть глаза... а когда я проснусь, окажется, что ничего не случилось, и Сергей жив, и в суд я сама еду... Если бы...

– Варвара Валерьевна, я мужу вашему позвонила, он уже едет, – вплыл откуда-то голос Ниночки, – сейчас домой вас заберет, поспите...

Я открыла глаза и не сразу поняла, где нахожусь, – оказывается, на самом деле уснула, чем испугала секретаршу.

– Вы вся бледная сделались, а руки ледяные просто, – рассказывала она, присев на край диванчика. Надо же, а я не почувствовала прикосновений. – Я с вас сапоги сняла, уложила, а вы даже не проснулись.

Я перевела взгляд на ноги – они были укрыты шубой, а сапоги действительно лежали на полу возле ножки дивана. Ничего себе, как на меня подействовало это происшествие... Совсем нервы ни к черту, так не годится. Еще и Светик приедет... и театр вечером...

Муж ворвался в офис в расстегнутой дубленке, взмыленный и напуганный одновременно:

– Варенька! Что случилось, что тут за ужасы?

Я уже окончательно пришла в себя, хотя по-прежнему полулежала на диване, укрытая шубой. Нина что-то печатала, изредка бросая в мою сторону осторожные внимательные взгляды – видимо, боялась, что работодательница ненароком отдаст концы. Но мне на самом деле стало немного лучше, только в ушах по-прежнему шумело от коньяка. Я крайне редко пила крепкие напитки, и сегодня случай был исключительный.

Светик сел рядом со мной, взял за руки и с тревогой заглянул в глаза:

– Варенька, с тобой все в порядке? Как ты себя чувствуешь?

– Лучше, чем Сергей, если ты об этом. – Муж раздражал меня своими вопросами, и, хотя я понимала, что он не виноват, справиться с собой не могла. – Что ты дурацкие вопросы задаешь? – И осеклась, вспомнив о замершей у компьютера секретарше. – Поедем домой, там все расскажу.

Светик засуетился, помог мне обуться, подал шубу. Я видела, что от него не укрылось отсутствие пуговиц на блузке под расстегнутым пиджаком, но знала, что он никогда не опустится до расспросов и подозрений – просто потому, что побоится услышать правду. Он никогда не хотел ее знать, хотя, подозреваю, всегда чувствовал, что я изменяю ему. Но он предпочитал много лет закрывать на это глаза, чтобы не потерять меня насовсем, окончательно. Мой муж вел себя со мной как с блудливой уличной кошкой, хотя никогда вслух не признавался: он меня любил, жалел, грел и кормил, а еще радовался, когда домой приползала. Могла бы этого не делать, и Светик знал об этом не хуже меня.

Уже в машине, устроившись на заднем сиденье, я с сожалением спросила:

– А как же билеты, Светик? Ведь балет сегодня... Кстати, а ты почему вернулся? Что с контрактом?

– О чем ты говоришь, Варя, какой балет? На тебе лица нет, такое потрясение. – Прогноировав второй вопрос, Светик сосредоточенно смотрел на дорогу, прикидывая, сумеем ли мы как-то переулками объехать жуткую пробку.

– Но ты...

– Давай не будем об этом, ладно? – с хорошо различимой мукой в голосе проговорил муж, и я умолкла. Значит, точно заметил блузку. Но мне все равно. Если я его не устраиваю, он всегда может встать и уйти. И я замолчала.

Дома я еще выпила и улеглась в спальне, прихватив в постель ноутбук. Позвонил Димочка, сказал, что в суде все в порядке, все идет именно так, как мы и рассчитывали ранее, и клиент даже не возмутился, что я отсутствовала.

– Я ему не стал подробности рассказывать, сказал просто, что форс-мажор у вас.

– Спасибо, Дима. Когда следующее слушание?

– Через три недели.

– Ну хорошо, там будет видно, я поеду или ты. Какие еще новости?

– Больше ничего вроде. Вы бы отдохнули, Варвара Валерьевна, хоть пару дней, – нерешительно предложил он, прекрасно зная, что у меня нет понятия «отдых», если есть неоконченные дела.

Но сегодня я решила прислушаться к совету помощника: слишком уж тяжелым выдался день. К счастью, впереди суббота и воскресенье, и планов вроде бы нет.

– Я завтра дома побуду, не поеду в офис. Если что-то срочное, ты позвони, я телефон не выключаю.

– Постараюсь не беспокоить.

Мы попрощались, я сунула телефон под подушку и углубилась в изучение очередного дела. Но из головы никак не шли события сегодняшнего дня. Больше всего меня беспокоило появление Мельникова. Оно было странным, ничем не объяснимым, а я не люблю такие вещи. Каждый шаг, каждый поступок должен быть мотивирован. А если мотива нет... Ну не бывает так! За каждым действием непременно стоит что-то. И за появлением Кирилла определенно что-то есть. Понять бы только, что именно.

Я так и задремала с ноутбуком на коленях и с очками на носу, даже не слышала, как пришел Светик, аккуратно забрал компьютер, положил на тумбочку очки и укрыл меня одеялом. Я так крепко уснула, как не спала, кажется, много недель до этого.

Среди ночи я вдруг открыла глаза, потому что увидела кошмар. Я бежала по темному пустому городу, где не горели ни один фонарь, ни одно окно в серых, совершенно одинаковых домах. Я бежала и глохла от стука собственных каблуков, а за мной бежал кто-то огромный, невидимый, я только слышала его тяжелое дыхание за спиной. Даже не шаги – дыхание. И было так страшно обернуться и посмотреть, хотя казалось: если повернусь, то он перестанет преследовать меня, испарится, исчезнет. Но ужас настолько сковал все тело, что даже обернуться было невозможно. И почему-то это тяжелое дыхание казалось мне знакомым, и от этого делалось еще страшнее. Я открыла глаза в тот момент, когда во сне наступила в канавку и упала, обхватив руками голову и замирая в ожидании, что сейчас преследователь накинется на меня. Сев на кровати, я долго не могла прийти в себя, тяжело дышала и озираясь по сторонам. Поняв наконец, что я дома, в собственной постели, и мне ничего не угрожает, я щелкнула выключателем бра и удивилась, обнаружив, что Светика рядом нет. Обычно он в это время спал, разметавшись по подушке, и то и дело дирижировал или быстро-быстро что-то говорил, чередуя французские и латинские термины. Но сегодня я лежала в постели одна, и это было странно – покидать спальню и ночевать в кабинете всегда было моей прерогативой.

Любопытство заставило меня встать, сунуть ноги в тапочки, надеть халат, лежавший на пуфе у зеркала, и пойти искать мужа. К моему глубочайшему удивлению, Светика не было дома. Вообще не было – нигде. И только в гостиной у кресла, в котором Светик любил сидеть вечерами, валялась моя разорванная блузка.

Утро субботы я провела так, как давно мечтала: в пенной ванне, с чашкой крепкого кофе и сигариллой. Это было такое блаженство, что даже ужасный сон забылся и то, что Светик не ночевал дома и до сих пор где-то шляется. Признаться, я не особенно волновалась по этому поводу, просто подобный демарш был совершенно не в характере мужа, и это меня скорее веселило – проснулся в нем внутренний «мужик».

Мое блаженство было прервано звонком. Мобильный вибрировал на бортике ванны, рискуя упасть в воду. Я взглянула на дисплей – звонила Потемкина.

– Доброе утро, Анастасия Евгеньевна, – поприветствовала я клиентку, но та была явно напугана – это слышалось в истеричных нотках голоса.

– Варвара Валерьевна, мы не могли бы немедленно встретиться?

– Что за спешка? – поморщилась я, понимая, что выходной мой отменяется.

– Я не могу по телефону. Давайте увидимся там же, где в первый раз. Я буду на месте через час. – И она бросила трубку.

Получается, что Потемкина в городе: за час из «Снежинки» она не добралась бы в центр, потому что суббота мало чем отличается по части пробок от любого другого дня. Но почему она не назвала ресторан? Чего боится? Что произошло? Вернее, не так: что *еще* произошло, учитывая мои вчерашние приключения?

Я с неохотой покинула теплую воду, наскоро высушила волосы и подкрасилась. Придется ехать на машине, ничего не попишешь, и делать это я вынуждена сама – водителя больше нет, но есть малыш «Смарт», которым я и воспользуюсь. Маленькую машинку парковать легче.

В «Годунове» я появилась с опозданием – стоявший в подземном гараже «Смарт» оказался намертво заперт чьим-то «Мерседесом», и я потратила уйму времени на то, чтобы найти хозяина. Меня сразу проводили в отдельный кабинет, где сидела Анастасия. К моему удивлению, за столом рядом с ней я увидела девочку лет десяти – хорошенькую голубоглазую блондинку с аккуратными косичками. Она сосредоточенно рассматривала что-то на экране планшетника, но при моем появлении оторвалась от своего занятия и поздоровалась первой.

– Алена, не мешай, – нетерпеливо оборвала ее Анастасия, – нам поговорить нужно.

– Я не мешаю, – мелодичным голоском отозвалась девочка и вставила в уши розовые наушники. Жест был настолько отработанным и привычным, что я подумала: девочке приходится делать это довольно часто. Видимо, мать не отпускает ее от себя ни на минуту. Я уже знала, что Алена находится на домашнем обучении и в гимназию больше не ходит.

– Что-то случилось? – спросила я негромко, усаживаясь напротив Анастасии.

Та закурила и кивнула. Повисло молчание. Я не хотела вытягивать информацию, а Потемкина не торопилась ее выкладывать – никогда я не могла понять эту человеческую привычку. Сперва вытащить человека на встречу в субботу, не поинтересовавшись планами, а потом сидеть и разыгрывать из себя женщину-загадку. Ну и брала бы мужика-адвоката, если так необходимо кокетничать. Время шло, Потемкина молчала. Девочка погрузилась в просмотр какого-то фильма и вообще не обращала внимания на происходящее вокруг.

– Сегодня ночью в больнице чуть не умер Алик, – вдруг сказала вдова, задушив окурок в пепельнице наманикюренным пальцем. – Кто-то передал ему бутылку водки, а в ней оказался клофелин – очень большая доза. Алик, к счастью, выпил не все, потому и оказался только в реанимации, а не в морге.

– Откуда вы об этом узнали? – Новость мне не понравилась, теперь я прекрасно понимала состояние Анастасии – тут не до разговоров.

Потемкина помолчала, глядя поверх моей головы, и словно внутри себя решала, стоит ли выдавать информацию. Как же я от нее устала, кто бы знал! Такая с виду глуповатая,

наивная, а оказалась скрытной и очень осторожной, порой даже излишне. Не доверять адвокату, которого сама наняла... Хотя в ее положении, наверное, это оправданно.

– Мне... врач позвонил.

– Понятно. И что вы собираетесь предпринять?

– Мне нужно уехать. Уехать и увезти Алену, – заговорила Потемкина, лихорадочно схватив меня за руку, – понимаете? Варя... – вдруг перейдя на «ты», зашептала она, – Варя, помоги мне! У меня нет никакого убежища, у меня вообще ничего нет! Если я не подпишу бумаги, то могу не остаться в живых, а если подпишу, тем более... я все равно им не нужна, они все сделают, чтобы...

– Мне кажется, сейчас самое время поговорить про таинственных незнакомцев, которых вы так часто упоминаете в разговорах, – решительно сказала я, накрывая холодную руку Анастасии своей. – Я больше не хочу играть вслепую.

Потемкина вздохнула:

– Зови меня Настей, хорошо? Мне больше некому довериться, просто нет выхода. А ты... ты теперь и сама заинтересована, чтобы «Снежинка» не ушла в чужие руки. Помоги мне, Варя, я все тебе расскажу, только помоги скрыться. Я даже домой сегодня не могу вернуться – мне страшно, я совершенно одна с ребенком в огромном пустом доме... Мы и пикнуть не успеем, как... – Анастасия пугливо взглянула на увлеченную фильмом дочь. – У меня никого больше нет, только Алена...

– А родители?

– Отца я вообще не помню, а мама умерла три года назад. Рак.

– Понятно.

Я чувствовала, что должна как-то помочь этой запуганной женщине с девочкой, но даже не это двигало мной. Я на самом деле вложила большие деньги в эту чертову «Снежинку» и теперь не могла рисковать и позволить вдове продать контрольный пакет. Но понимала я еще и то, что самостоятельно не смогу спрятать Потемкину с дочерью. Если за ней кто-то приглядывает, то гарантированно обо мне тоже все знают – от адреса до размера ноги. Тут мне не обойтись без посторонней помощи. И я даже знала, к кому обратиться. К счастью, на заре карьеры я столкнулась с одним весьма влиятельным господином, вхожим в самые высокие структуры, но не потому, что был он министром или кем-то еще, а как раз потому, что представлял совершенно иную организацию. Теневую, так сказать. Вот ему-то, Анатолию Ивановичу Веревкину, больше известному как Толя Туз, я и собиралась позвонить. И если все пойдет так, как я задумала, то через пару дней Анастасия с дочкой окажутся вне пределов досягаемости кого бы то ни было. Но на это тоже нужно время: пока я его найду, пока уговорю помочь... ведь не факт, что он согласится, как не факт, что он вообще сейчас в стране. Куда мне деть испуганную донельзя клиентку с ребенком на это время? К себе же я не могу ее привести. Нет, теоретически, конечно, это возможно, и даже для Светика найдется объяснение, но практически... Скорее всего, за Анастасией действительно наблюдают, как, возможно, и за мной. И везти ее с дочерью к себе означает подписать ей приговор. Нет такой двери, которую нельзя открыть при помощи ключа, денег или еще чего-нибудь. Нет, этот вариант не годится. И решать надо сейчас, мгновенно, чтобы из ресторана она не ехала к себе в «Снежинку» – может не добраться.

Я взглянула на часы – время для звонка вполне приличное, Толя Туз – «жаворонок» и уже давно на ногах.

– Мне нужно позвонить, – сказала я, беря телефон и направляясь к туалетной комнате, которая для посетителей этого кабинета была отдельной.

На всякий случай включив воду и забившись в самый дальний угол помещения, я набрала номер Туза. Он долго не брал трубку, и на миг меня посетило ужасное чувство, что я права и его запросто может не быть в стране, и что тогда делать мне? Хотя... его личное

присутствие не требуется, нужно просто веское слово и пара надежных людей. И разумеется, дом. Или квартира на худой конец, причем как можно дальше от «Снежинки».

Но тут в ухо мне рявкнули:

– Слушаю! – и я слегка успокоилась.

– Анатолий Иванович, добрый день. Это Варвара Жигульская.

– А, Варечка! Здравствуй, дорогая. Как дела? Случилось что-то? – Тон Веревкина сразу стал намного ниже, голос изменился и приобрел мягкие, почти интеллигентные нотки.

– Случилось, Анатолий Иванович, потому и звоню.

Вкратце обрисовав ситуацию, но умолчав о кое-каких деталях, касающихся моего личного материального интереса, я спросила:

– Сможете как-то помочь женщине с девочкой?

Туз откликнулся мгновенно, даже не особенно раздумывая:

– Дерьмо вопрос. Вы сейчас где?

– В «Годунове».

– Краше места не нашли? Все понтуется?

– Желание клиента – закон для адвоката, – хмыкнула я. Туз не любил показухи, и все наши встречи с ним проходили в более демократичных местах, нежели ресторан в центре.

– Хорошо, ждите там. Через час подъедут ребята, позвонят тебе на трубку и скажут, что и как делать. До той поры тихо сидите, едите и пьете... что вы там пьете, кстати?

– Брусничный морс. Я за рулем, Анастасия тоже.

– Какие хорошие девочки, – захохотал Туз, – морсиком наливаются с утра пораньше.

Ладно, жди звонка. И не пропадай. Хочешь, в театр сходим как-нибудь?

– Хочу. – Я на самом деле хотела с ним в театр. Более образованного в плане театрального искусства человека я не встречала даже в кругу друзей своего мужа.

Имевший за плечами всего восемь классов, Веревкин все свободное время посвящал театру, актерам и режиссерам, меценатствовал и вкладывал приличные средства в развитие любимого дела. Кроме того, он цитировал Чехова огромными отрывками, чем однажды привел меня в состояние глубочайшего изумления. Но ларчик открывался просто: в тюремной библиотеке произведений Антона Павловича было великое множество, и Веревкин зазубрил их практически наизусть.

– Тогда я постараюсь найти то, что мы с тобой еще не смотрели. Позвоню.

– Спасибо.

Я сунула трубку в карман, выключила воду и вышла в кабинет. Анастасия курила, нервно комкая свободной рукой салфетку, Алена по-прежнему сидела, уткнувшись в экран планшета. Я села напротив Потемкиной и, глядя ей в глаза, заговорила:

– Значит, так. Через час сюда приедут люди одного моего приятеля. Они незаметно выведут вас с Аленой из здания и увезут туда, где никому не придет в голову вас искать. Я даже тебе не скажу, что это будет за место, – тебе придется довериться мне, выбора все равно нет. Домой вам нельзя. Ты будешь жить там, а я позабочусь, чтобы у вас не было нужды ни в чем. Нам с тобой обеспечат связь по другим каналам, чтобы исключить возможность прослушки. Пообещай, что ты будешь делать все в точности так, как говорим я и человек, который мне помогает.

Анастасия затушила сигарету и взглянула на меня с поистине ангельским смирением:

– Конечно...

– Я не шучу, Настя. Никаких звонков кому бы то ни было, никаких выездов в Москву. Никаких контактов ни с кем, кроме меня.

– Я понимаю...

– Вот и хорошо. А когда я разберусь со всем, что происходит вокруг вас, тогда и будем думать, как выпутываться. Сейчас главное – не позволить давить на тебя. Никому. Твоя подпись на документах будет означать одно: ты потеряешь все. Возможно, и жизнь тоже.

По тому, как дернулась ее щека, я поняла, что подобная мысль уже не раз посещала белокурую головку Анастасии. Это лишний раз убедило меня в правильности решения. Обратиться к Тузу в подобной ситуации было самым верным.

Час тянулся так долго, что я несколько раз перепроверила время – ну невозможно же столько ждать! Мы почти постоянно молчали, Анастасия курила сигарету за сигаретой, Алена пару раз оторвалась от просмотра фильма и съела пирожок. Я же маялась от неизвестности и ожидания – не самое мое любимое занятие, если честно. Я никогда не опаздывала сама и не позволяла этого никому, так как считаю, что опоздание – это неуважение ко времени другого человека. Правда, надо отдать должное людям Туза – они не опаздывали. Это моя нервозность и волнение так растянули время. Звонок раздался ровно через час, мы с Анастасией вздрогнули и посмотрели друг на друга.

– Спокойно, – проговорила я, стараясь внушить ей, что все в порядке. – Я слушаю.

– Варвара? – раздался мягкий мужской голос с чуть заметным акцентом.

– Да, это я.

– Можете называть меня Арам. Ваша подруга рядом?

– Да, она здесь.

– Хорошо. Сейчас я поднимусь к вам.

Я ничего больше не успела ни спросить, ни сказать – телефон замолчал.

– Одевайтесь, – велела я Анастасии и девочке, хотя не была уверена, что это правильно.

– Уже? – чуть побледнев, спросила вдова.

– Ты не бойся. Я за человека ручаюсь, он никогда слова не нарушит, это просто невозможно. С вами ничего не случится.

В дверь постучали, и я подошла:

– Арам?

– Да, открывайте.

Я повернула ручку и впустила в кабинет высокого довольно молодого мужчину с густыми черными волосами, небрежно спадавшими крупными кольцами на воротник кожаной куртки. Красивый, уверенный в себе кавказец с мягкими движениями и почти неслышной походкой. От этого стало не по себе... Я представила, как он может неслышно подкрасться сзади и...

– Что с вами? Вы побледнели, – заметил он, беря меня за руку.

– Нет, все в порядке. Это Анастасия. – Я аккуратно высвободила руку из его горячих пальцев.

– Так, милочка... – оглядев Анастасию, заключил Арам, – придется немного замаскироваться. И прекрасной малышке тоже, – кивнул он Алене и улыбнулся: – Ты театр любишь?

– Нет, – спокойно ответила девочка, – я больше люблю книги.

– Хорошо. Тогда представь, что мы в книге.

Арам вытолкнул ногой в центр кабинета большую сумку, которую, оказывается, принес с собой, а я и не заметила.

– Помогите нам, Варвара, – велел он, присаживаясь около сумки и расстегивая «молнию».

В бауле оказалось женское одеяние из тех, что носят в Москве жены ортодоксальных мусульман, и еще одно такое же – поменьше. Правда, для Алены все равно оказалось длинновато, но мы решили, что приглядываться никто не станет. Анастасия с убранными под платок волосами и смытой косметикой стала совершенно неузнаваемой. Арам критически оглядел их обеих и сказал:

– Отлично. Теперь опускаем глаза вниз и семеним за дядей Арамом к машине, как послушные жена и дочь. Садимся в белый «Мерседес» с красненькими номерными знаками и уезжаем. А Варвара выходит из ресторана через полчаса, садится в свою машину и едет по делам. А потом я ей звоню и назначаю встречу. Годится?

Можно подумать, у кого-то из нас был выбор...

Анастасия глянула на меня обреченно, но я только головой покачала – не в ее положении выбирать помощников, уж кто есть.

– Мы созвонимся с тобой сегодня вечером, да? – ободряюще проговорила я, и Арам поддержал:

– Обязательно! Все, девочки, идем.

Он взял Алену за руку и пошел к выходу, Анастасия послушно двинулась за ним. Нормальная восточная семья: красавец-муж в распахнутой куртке ведет за руку дочку, а следом идет жена – покорная тихая женщина с опущенным лицом. Лучшей маскировки я бы не придумала.

Когда дверь кабинета закрылась, я испытала облегчение: все-таки машину с красными дипломатическими номерами вряд ли кто-то из «залетных» рискнет остановить. Мне же осталось только отсидеть здесь обговоренные полчаса, попить кофе, немного успокоиться и поехать к себе. Еще неизвестно, что меня ждет дома.

Дома оказалось пусто и тихо. Судя по всему, Светик так и не появился, и это уже интересно. Даже не думала, что вид блузки с оторванными пуговицами приведет мужа в такое нервное состояние, что заставит уйти из дома. Но, может, это и к лучшему: мне сейчас совершенно не до разговоров. Я отлично знала, что Светик никуда не денется: он не из тех, кто бежит к другой женщине, для него вообще физическая близость не имеет определяющего значения. Я твердо знала, что он не изменял мне: для него на первом месте стояли музыка, отношения, совместные походы в театр, разговоры об искусстве, а не постель. Чтобы почувствовать желание, ему нужно было хорошо узнать женщину, а на это нужно время, которого у Светика никогда не было. Так что и сегодня я не особенно волновалась по поводу отсутствия мужа дома.

Однако если я надеялась провести тихий вечер в собственной спальне, то это было так же смешно, как планы на утро. Где-то наверху решили, что суббота у Варвары Жигульской должна пройти совершенно в ином режиме.

Едва я устроилась на кровати, прихватив туда поднос с едой и книжку, как позвонила бабушка.

– Ты планируешь увидеть меня в следующий раз на моих же похоронах? – сухо поинтересовалась она.

– Бабуль, не начинай, а? – попросила я жалобно.

Вот откуда в маленькой, сухой старушке, которой на днях исполнится восемьдесят пять, столько ехидства?

– Моя единственная внучка могла бы и заехать иногда. Или все дела-работа?

– Дела, бабуль. Клиентов много, дел полно, совсем зашиваюсь, в суд чуть не каждый день езжу.

– Святослав когда возвращается?

– Он... – я запнулась, раздумывая, стоит ли посвящать бабушку в семейные дразги, – он сегодня приедет, там что-то с контрактом.

– Я давно говорю – его импресарио никуда не годится. И если бы Святослав меня слушал... – Бабушка не любила термин «концертный директор» и всегда пользовалась именно этим словом для обозначения должности Ирочки, которую сама же, кстати, Светику и посоветовала.

– Бабуль, так Ирина твоя протеже, – тут же ввернула я, чтобы не дать ей развить разговор: совершенно не хотелось обсуждать проблемы мужа с директором и гастрольями.

– И на старуху бывает проруха, Варечка, – виновато отозвалась бабушка, – но ничего, я исправлю. Есть у меня юноша на примете...

– Бабулечка, а давай о чем-нибудь другом, а? – взмолилась я, поняв, что ее не собьешь. – Вот о юбилее твоём, кстати. Ты определилась с рестораном?

– Никаких, Варвара, ресторанов, – твердо заявила она, – и юбилей дома отмечать будем. Сама все приготовлю.

О господи... лучше бы я не заговаривала об этом, лучше бы мы тихо заказали ресторан, обзвонили гостей и привезли бабушку к месту торжества, поставив перед фактом! Но теперь это невозможно – она начнет готовиться за неделю, суетиться и поминутно доставать меня звонками. Если только...

Если только обожаемый ею Светик не возьмет все на себя и не уговорит бабушку отпраздновать юбилей в ресторане. Такое под силу только ему – уговорами, лестью и задушевными беседами Светик всегда мог добиться от моей бабули чего угодно. Они обсуждали, сколько по времени нужно варить кашу из определенной крупы, чтобы была не размазня, и ровно с тем же азартом разбирали по нотам ноктюрны Шопена или романсы Гурилева. Только Светик мог угодить ей с подарками, только к его слову она прислушивалась с тех пор, как не стало папы. Исключение составлял разве что дядя Витя. Почему-то об умственных способностях женской половины семьи Тамара Борисовна была весьма невысокого мнения...

Только вот где его искать, Светика этого?

– Бабуль, давай к разговору о юбилее позже вернемся, хорошо? – схитрила я, меняя тему. – Как тебе диск с Жирардо, кстати?

Анни Жирардо – эта тема была беспроектной. Бабушка обожала актрису, фильмы с ней могла смотреть и пересматривать, а потом долго обсуждать игру и внутреннюю силу француженки. На это ушло еще полчаса, мой чай остыл, а приготовленные тосты с ветчиной потеряли прежний аппетитный вид. Но меня беспокоило другое – должен позвонить Арам, а линия занята. И только потом я поняла, что звонить он мне не станет, а скорее приедет сюда, потому что телефон мой может прослушиваться.

Он действительно приехал сам – консьерж позвонил и поинтересовался, жду ли я гостя по имени Арам. Попросив пропустить, я пошла в коридор, мельком глянула в зеркало – вроде нормальный вид, можно открывать дверь.

Арам поднялся быстро, вошел в квартиру и остановился на пороге.

– Вы проходите, Арам, здесь говорить неудобно.

– Я тороплюсь. Вот телефон, – он протянул мне трубку, – там забит номер Анастасии. С ней все в порядке, с девочкой тоже. Они на даче у Анатолия Ивановича, там их точно никто искать не станет. Все, что захотите передать, делайте через меня, мой номер тоже есть в книжке. И очень прошу: пореже звоните и старайтесь не делать этого в квартире, машине и офисе. – Он многозначительно посмотрел на меня. – Квартира вроде чистая, но это пока, мало ли что завтра будет.

– Как вы узнали?

– А зачем я велел домой через полчаса ехать? Пока вы кофе пили, мой мальчик все проверил, – улыбнулся Арам, а мне стало неудобно: в моей квартире был посторонний, ходил тут, смотрел...

– А ключи? – глуповато поинтересовалась я. – Ключи откуда?

– Зачем спецу ключи? – хмыкнул Арам. – Да вы не бойтесь, больше вас никто в квартире не побеспокоит. Но про разговоры помните, хорошо? Это ведь и в ваших интересах тоже.

Он попрощался и ушел, а я села на пол и задумалась. За два дня столько всего произошло, что голова идет кругом, и это, чувствую, только начало. Я ведь так и не выяснила, кто стоит за этой канителью с документами на «Снежинку», кто пытался отравить сына Потемкина, кто давил на Анастасию. И пока я этого не выясню, мне так и придется играть вслепую по чужим правилам. Хорошо, сейчас я вывела Анастасию из-под удара, но что с того? Ее будут искать и рано или поздно найдут. Что тогда? Наверное, мне придется опередить их. Знать бы еще, кого – «их»...

... Светик явился в три часа ночи, когда я уже безмятежно спала, вольготно раскинувшись на кровати. Он ввалился в спальню в распахнутой дубленке, всклокоченный, холодный с морозца и совершенно пьяный. Я, проснувшись, не сразу поняла, что происходит: муж никогда не напивался до такого состояния. Пошатываясь, он двинулся ко мне, схватил ледяными пальцами за плечи и, дыша перегаром, зашипел в лицо:

– Сволочь... какая ты сволочь, Варька... что ты со мной сделала? Ты мне жизнь испортила! Всю жизнь...

Я уперлась руками ему в грудь, пытаюсь оттолкнуть, но у Светика неожиданно оказалась очень сильная хватка, он держал меня за плечи и все шипел, блестя слезившимися глазами:

– Змея... змея ты, Варька, вот ты кто! Опутала, обвилась кольцами – дышать не могу... ведь я же тебя люблю, всю жизнь люблю, дура!

Я сумела повернуть голову и укусила мужа за запястье, с остервенением рванув зубами. Почувствовала вкус крови, а Светик, тонко взвизгнув, схватился за прокушенную руку.

– Сдурел совсем? – зло спросила я, откатываясь на дальнюю сторону кровати. – Ты какого черта ведешь себя как пьяный шоферюга?! Дирижер! От тебя перегаром разит, как от заправского алкоголика!

Светик не отвечал, качался пьяно, баюкая на груди руку, из которой сочилась кровь. Мне вдруг стало жаль его – расхристанного, пьяного, совершенно беспомощного в своем несчастье. Я встала, накинула халат и подошла к мужу, обняла:

– Ну, что ты, милый? Пойдем, я помогу тебе раздеться и перевяжу руку. Извини, что так вышло, я не хотела...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.